

Аркадий и Борис Стругацкие Второе нашествие марсиан. Записки здравомыслящего

О, этот проклятый конформистский мир!

1 июня (три часа пополуночи)

Господи, теперь еще Артемида! Оказывается она все-таки спуталась с этим Никостратом. Дочь, называется... Ну ладно.

Около часу я был разбужен сильным, хотя и отдаленным, грохотом и поражен зловещей игрой красных пятен на стенах спальни. Грохот был рокочущий и перекатывающийся, подобный тому, какой бывает при землетрясениях, так что весь дом колебался, звенели стекла, и пузырьки подпрыгивали на ночном столике. Испугавшись, я бросился к окну. Небо на севере полыхало: казалось, будто там, за далеким горизонтом, земля разверзлась и выбрасывает к самым звездам фонтаны разноцветного огня. А эти двое, ничего не видя и не слыша, озаряемые адскими сполохами и сотрясаемые подземными толчками, обнимались на скамейке под самым моим окном и целовались враспашку. Я сразу узнал Артемиду и решил было, что это вернулся Харон и она так ему обрадовалась, что вот целуется с ним как невеста, вместо того чтобы вести его прямо в спальню. А через секунду в свете зарева я узнал знаменитую заграничную куртку господина Никострата, и сердце у меня упало. Вот в такие минуты человек теряет здоровье. И ведь нельзя сказать, что это был для меня гром с ясного неба. Слухи были, намеки, всякие шуточки. И все же я был совсем убит.

Держась за сердце и совершенно не понимая, что нужно предпринять, я, как был босиком, потащился в гостиную и стал звонить в полицию. Однако попробуйте дозвониться в полицию, когда вам требуется. Телефон полиции долго был занят, и вдобавок дежурным оказался Пандарей. Я его спрашиваю, что за феномен наблюдается за горизонтом. Он не понимает, что такое феномен. Я его спрашиваю: «Вы можете мне сказать, что происходит за северным горизонтом?» Он осведомляется, где это, и я уже не знаю, как ему объяснить, но тут до него доходит. «А-а, – говорит он, – вы это насчет пожара?» – и сообщает, что некоторое горение действительно наблюдается, но что это за горение и чего, пока не установлено. Дом трясется, все скрипит, на улице истошно кричат что-то про войну, а этот старый осел начинает рассказывать мне, что к нему в участок тут привели Минотавра: пьян мертвецки, осквернил угол особняка господина Лаомедонта, на ногах не стоит и даже драться не может. «Вы меры принимать будете или нет?» – прерываю я его. «Я вам об этом и толкую, господин Аполлон, – обижается этот осел. – Мне нужен протокол составлять, а вы у меня весь телефон оборвали. Если вас всех так уж волнует этот пожар...» – «А если это война?» – спрашиваю я. «Нет, это не война, – заявляет он. – Я бы знал». «А если это извержение?» – спрашиваю я. Он не понимает, что такое извержение, я больше не могу и вешаю трубку. Я весь вспотел от этого разговора, вернулся в спальню и надел халат и туфли.

Грохот словно бы утих, но сполохи продолжались, а эти двое больше не целовались и даже не сидели обнявшись. Они стояли, держась за руки, причем всякий мог их увидеть, потому что от огня за горизонтом было светло, как днем, только свет был не белый, а красно-оранжевый, и по нему ползли облака дыма, коричневого, с оттенком жидкого кофе. Соседи бегали по улице кто в чем, госпожа Эвридика хватала всех за пижамы и требовала, чтобы ее спасали, и один только Миртил деловито выкатил из гаража свой грузовик и принялся вместе с женой и сыновьями выносить из дому свое имущество. Это была настоящая паника, как в добрые старые времена, давно такой не видел. Но я-то понимал, что если действительно началась атомная война, то лучшего места, чем наш городок, – укрыться, отсидеться, переждать – не найти во всей округе. А если это извержение, то происходит оно далеко, и опять же нашему городку ничто не угрожает. Да и сомнительно было, что это

извержение: какое тут у нас может быть извержение!

Я поднялся наверх и стал будить Гермению. Ну, тут было как обычно: «Отстань, пьяница; нечего было пить на ночь; ничего я сейчас не хочу», – и прочее. Тогда я стал громко и убедительно рассказывать ей об атомной войне и об извержении, несколько стущая при этом краски, потому что иначе ничего бы у меня не получилось. Ее проняло, она вскочила с постели, оттолкнула меня и устремилась прямо в столовую, бормоча: «А вот я сейчас посмотрю, и тогда берегись...» Отперев буфет, она обследовала бутылку с коньяком. Я был спокоен. «Откуда же ты такой вернулся? – спросила она, недоверчиво приносиваясь. – Из какого гнусного ночного вертепа?» Но когда она посмотрела в окно, когда она увидела на улице полураздетых соседей, когда она увидела Миртила, который в одних подштанниках торчал на своей крыше и глядел на север в полевой бинокль, ей стало не до меня. Правда, оказалось, что северный горизонт уже вновь погрузился в тишину и темноту, но угадывалась там еще туча дыма, совершенно скрывавшая звезды. Что там говорить, моя Гермения это вам не какая-нибудь госпожа Эвридика. И возраст не тот, и воспитание иное. Я не успел проглотить рюмку коньяку, как она уже волокла чемоданы и во весь голос звала Артемиду. «Зови, зови, – с горечью подумал я, – так она тебя и услышит». И тут Артемиды появляется в дверях своей комнаты. Господи, бледная как смерть, вся трясется, но на ней уже пижама, а в волосах болтаются бигуди, и она спрашивает: «Что такое? Что это вы все?»

Как хотите, а это тоже характер. Не будь этого феномена, нипочем бы я ничего не узнал, а уж Харон и подавно. Наши взгляды встретились, она ласково улыбнулась мне дрожащими губами, и я не решился произнести слова, которые вертелись у меня на языке. Чтобы успокоиться, я ушел к себе и начал упаковывать марки. Дрожишь, говорил я ей мысленно, трепещешь! Одиноко тебе, страшно, незащитно. А он вот не поддержал тебя, не защитил. Сорвал цветок удовольствия и побежал по своим делам. Нет уж, милая моя, если человек бесчестен, то он бесчестен до конца. Между тем, как я и ожидал, паника быстро шла на убыль. Установилась обыкновенная ночь, земля больше не колыхалась, дома не скрипели. Госпожу Эвридику кто-то увел к себе. Никто больше не кричал о войне, и вообще кричать стало больше не о чем. Выглянув в окно, я увидел, что улица опустела, только кое-где в домах еще виднелся свет да Миртил на своей крыше блестел исподним среди звезд. Я окликнул его и спросил, что там видно. «Ладно, ладно, – раздраженно ответил он. – Ложитесь, храпите. Вы захрапите, а они вам как дадут...» Я спросил, кто это – они. «Ладно, ладно, – отвечивал Миртил. – Умники нашлись. Со своим Пандареем. Дурак он, ваш Пандарей, и больше ничего». Услышав про Пандарея, я решил снова позвонить в полицию. Звонить пришлось долго, а когда я в конце концов дозвонился, Пандарей сообщил мне, что новостей никаких особенных нет, но в остальном все в порядке, пьяному Минотавру впрыснули успокаивающее, сделали промывание желудка, и теперь он угомонился; что же касается пожара, то горение давно прекратилось, тем более что это оказалось никакое не горение, а большой праздничный фейерверк. Пока я вспоминал, какой же это сегодня праздник, Пандарей повесил трубку. Глуп он все-таки и отвратительно воспитан, и всегда был таким. Странно видеть таких людей в нашей полиции. Наш полицейский должен быть интеллигентен, он должен быть образцом для молодежи, героем, которому хочется подражать, чтобы ему можно было без опасения верить не только оружие и власть, но и воспитательную деятельность. А Харон называет такую полицию «компанией очкариков» и заявляет, что такая моя полиция никакому правительству не нужна, потому что она начнет хватать и перевоспитывать самых полезных государству людей, начиная с премьер-министра и полицей-президента. Не знаю, не знаю, может быть. Но чтобы старший полицейский не понимал, что такое феномен, и хамил при исполнении обязанностей – это совсем уж никуда не годится.

Спотыкаясь о чемоданы, я пробрался к буфету и налил себе рюмку коньяку как раз в тот момент, когда в столовую вернулась Гермения. Она сказала, что это сумасшедший дом, что положиться здесь ни на кого нельзя, что мужчины здесь не мужчины, а женщины не женщины. Что я законченный алкоголик, что Харон турист, что Артемиды белоручка,

совершенно неприспособленная к жизни. И так далее. Может быть, кто-нибудь объяснит, зачем ее подняли среди ночи и заставили собирать чемоданы? Я ответил Гермione как мог и укрылся у себя в спальне. У меня все болело, и теперь я точно знаю, что завтра у меня опять обострится экзема. Мне уже сейчас хочется чесаться, но пока я еще сдерживаюсь.

Около трех часов земля задрожала снова. Послышался шум от многих моторов и лязг железа. Оказалось, что мимо дома проходит колонна военных грузовиков и бронетранспортеров с войсками. Они двигались медленно, с притушенными фарами, и Миртил увязался за каким-то броневиком, затрусил рядом, держась за выступ люка и что-то крича. Не знаю, что ему ответили, но, когда колонна прошла и он остался один на улице, я его окликнул и спросил, какие новости. «Ладно, ладно, – сказал Миртил. – Знаем мы эти маневры. Разъезжают тут умники за мои деньги». И тут я все понял окончательно. Происходят большие военные учения – возможно, даже с применением атомного оружия. Стоило огород городить!

Господи, уснуть бы теперь спокойно!

2 июня

Весь чешусь. И главное, я никак не могу решиться поговорить с Артемидой. Не выношу я этих сугубо личных разговоров, этого интима. И потом, откуда я знаю, что она мне ответит?

Черт знает что делать с этими дочерьми. Если бы я хоть понимал, чего ей не хватает! Есть муж, и не какой-нибудь сутулый мозгляк, а мужчина крепкий, в самой поре, не урод какой-нибудь, не калека и вместе с тем не потаскун. А мог бы: казначейская племянница на него устремляет призывные взоры, и Тиона глазки ему делает, это же всем известно, и я уже не говорю о гимназистках, дачницах или мадам Персефоне, которая из всех кошек самая что ни на есть кошачья кошка и ни один кот устоять против нее не может. Но я же знаю, что Артемида ответит мне на это. Скучно, скажет, папочка, смертная у нас здесь тоска. И ведь крыть нечем! Молодая красивая женщина, детей нет, темперамент завидный, нестись бы ей в вихре развлечений, танцы, флирт и прочее. А Харон, к сожалению, из этих, из философов. Мыслитель. Тоталитаризм, фашизм, менаджеризм, коммунизм. Танцы – сексуальный наркотик; гости – сплошные болваны, один другого страшнее. О том, чтобы в винт или в четыре короля, – и заикнуться не смей. И притом ведь не дурак выпить! Рассадит вокруг стола пятерых своих умников, поставит пять бутылок коньяку и пошел рассуждать до самого утра. Девчонка позевает, позевает, хлопнет дверью и спать уйдет. Разве это жизнь? Я понимаю, мужчине – мужское, но ведь с другой стороны, и женщине – женское! Нет, я люблю моего зятя, он мой зять, и я его люблю. Но сколько же можно рассуждать? И что от этих рассуждений меняется? Ясно же: сколько ты не рассуждай о фашизме, фашизму от этого ни тепло, ни холодно, охнуть не успеешь, напялят на тебя железную каску, и вперед, да здравствует вождь! А вот если ты перестанешь обращать внимание на молодую жену, она тебе тем же и оплатит. И тут уж никакие философствования не помогут. Я понимаю, образованный человек должен иногда рассуждать на отвлеченные темы, но надо же пропорции соблюдать, господа.

Утро было нынче волшебное. (Температура плюс девятнадцать, облачность один балл, ветер южный, 0.5 метра в секунду. Надо бы сходить на метеостанцию, проверить анемометр, я его опять уронил.) После завтрака я решил, что под лежащий камень вода не течет, и отправился в мэрию выяснить насчет пенсии. Шел я и наслаждался покоем, и вдруг смотрю – на углу улицы Свободы и Вересковой собралась толпа. Оказывается, Минотавр въехал своей цистерной в ювелирную витрину, и народ собрался посмотреть, как он, грязный, распухший, с утра уже опять пьяный, дает показания дорожному инспектору. И до того он дисгармонировал с сияющим утром, что все настроение сразу пропало. И ведь ясно, полиции не надо отпускать Минотавра так рано, знали же, что непременно снова напьется, раз у него запой. Но, с другой стороны, как его не выпустить, когда он единственный золотарь в

городе? Тут уж одно из двух: либо ты занимайся перевоспитанием Минотавра и тони в нечистотах, либо иди на компромисс во имя гигиены.

Из-за Минотавра я задержался, и, когда добрался до «пяточка», все наши уже были в сборе. Я уплатил штраф, а потом одноногий Полифем угостил меня превосходной сигарой в алюминиевом футляре. Эту сигару прислал ему для меня его старшенький, Поликарп, лейтенант торгового флота. Этот Поликарп учился у меня несколько лет, пока не сбежал в юнги. Шустрый был мальчик, шалун большой. Когда он удрал из города, Полифем на меня чуть в суд не подал: мол, довел мальчишку учитель до беспутства своими лекциями о множественности миров. Сам Полифем до сих пор уверен, будто небо твердое и спутники по нему бегают наподобие мотоциклистов в цирке. Доводы мои о пользе астрономии ему недоступны, и тогда были недоступны, и сейчас по-прежнему недоступны.

Наши разговаривали о том, что городской казначей опять растратил деньги, отпущенные на строительство стадиона. Это, значит, уже в седьмой раз. Говорили мы сначала о мерах пресечения. Силен пожимал плечами и утверждал, что, кроме суда, ничего, пожалуй, не придумаешь. «Довольно полумер, – говорил он. – Открытый суд. Собраться всем городом в котловане стадиона и пригвоздить растратчика к позорному столбу прямо на месте преступления. Слава богу, – повторял он, – наш закон достаточно гибок, чтобы мера пресечения в точности соответствовала тяжести преступления». «Я бы даже сказал, что наш закон слишком гибок, – заметил желчный Парал. – Этого казначея судили уже дважды, и оба раза наш гибкий закон огибал его стороной. Но ты-то небось полагаешь, будто так получалось потому, что его судили не в котловане, а в ратуше». Морфей, основательно подумав, сказал, что с нынешнего же дня перестанет казначея стричь и брить. Пусть-ка походит волосатый. «Задницы вы все, – сказал Полифем. – Никак вы допереть не можете, что ему на вас плевать. У него своя компания». – «Вот именно», – подхватил желчный Парал и напомнил нам, что, кроме городского казначея, живет еще и действует городской архитектор, который проектировал стадион в меру своих способностей и теперь, естественно, заинтересован, чтобы стадион, не дай бог, не начали строить. Заика Калаид зашипел, задержался и, привлечая таким образом всеобщее внимание, напомнил, что именно он, Калаид, в прошлом году чуть не подрался с архитектором на Празднике Цветов. Это заявление придало разговору новый, решительный уклон. Одноногий Полифем, как ветеран и человек, не боящийся крови, предложил подстеречь обоих в подъезде у мадам Персефоны и обломать им рога. В такие решительные минуты Полифем совершенно уже перестал следить за своим языком – так и прет из него казарма. «Обломать этим вонючкам рога, – гремел он. – Дать этому дерьму копоты и отполировать сволочам мослы». Просто удивительно, как возбуждающе такие речи действуют на наших. Все загорячились, замахали руками, а Калаид шипел и дергался гораздо сильнее, чем обыкновенно, будучи не в силах от большого волнения выговорить ни слова. Но тут желчный Парал, единственный из нас, сохранивший спокойствие, заметил, что, кроме казначея и архитектора, в городе проживает еще в своей летней резиденции главный их дружок – некий господин Лаомедонт, и все сразу замолчали и принялись раскуривать свои потухшие за разговором сигары и сигареты, потому что господину Лаомедонту не очень-то обломаешь рога и тем более не отполируешь мослы. И когда в наступившей тишине заика Калаид уже совершенно произвольно разразился, наконец, заветным: «Н-надавать по сопатке!», все посмотрели на него с неудовольствием.

Я вспомнил, что мне пора в мэрию, вложил недокуренную сигару в алюминиевый футляр и поднялся на второй этаж, в приемную господина мэра. Меня поразило необычное оживление в канцелярии. Все служащие были как бы несколько взволнованны. Даже господин секретарь, вместо того чтобы заниматься обычным для него рассматриванием собственных ногтей, запечатывал сургучными печатями большие конверты с видом, впрочем, чрезвычайно брезгливым и одолжительным. С чувством большой неловкости приблизился я к этому прилизанному по новейшей моде красавчику. Господи, я бы все на свете отдал, чтобы не иметь к нему никакого дела, не видеть его и не слышать. Я и раньше не любил господина Никострата, как и всех молодых хлыщей в нашем городе, по правде

сказать, не любил его еще тогда, когда он у меня учился, – за лень, за наглость, за дерзкие выходки, а после вчерашнего мне даже смотреть на него было тошно. Я представления не имел, как мне с ним держаться. Но выхода не было, и в конце концов я решился произнести: «Господин Никострат, слышно что-нибудь по поводу моего дела?» Он даже не взглянул на меня, так сказать, не удостоил взглядом. «Извините, господин Аполлон, но ответ из министерства еще не пришел», – сказал он, продолжая ставить печати. Я потоптался и пошел к выходу. Чувствуя себя отвратительно, как это всегда со мной бывает в присутственных местах. Однако совершенно неожиданно он остановил меня удивительным сообщением. Он сказал, что связи с Марафинами нет со вчерашнего дня. «Да что вы говорите! – сказал я. – Неужели маневры еще не кончились?» – «Какие маневры?» – удивился он. Тут меня прорвало. До сих пор не знаю, стоило ли это делать, я пристально посмотрел прямо ему в лицо и сказал: «Как так – какие? Да те самые, которые вы изволили наблюдать прошлой ночью». – «Разве это были маневры? – с завидным хладнокровием произнес он, снова склоняясь над своими конвертами. – Это же был фейерверк. Почитайте утренние газеты». Надо, надо было сказать ему пару слов, тем более что в этот момент мы в комнате были одни. Да разве я могу так?

Когда я вернулся на «пяточок», спор уже шел о сущности ночного феномена. наших прибыло: подошли Миртил и Пандарей. Пандарей был в расстегнутом кителе, небритый и усталый после ночного дежурства. Миртил выглядел не лучше, потому что всю ночь ходил вокруг дома дозором и ждал беды. У всех в руках были утренние газеты, и обсуждалась заметка «Нашего наблюдателя» под названием «Праздник на пороге». «Наш наблюдатель» сообщал, что Марафины готовятся к празднованию своего стопятидесятилетия и что, как ему стало известно из обычно хорошо осведомленных источников, вчерашней ночью был произведен тренировочный фейерверк, которым могли любоваться жители окрестных городов и селений в радиусе до двухсот километров. Стоит Харону уехать в командировку, как наша газета катастрофически глупеет. Хоть бы потрудились прикинуть, как это должен выглядеть фейерверк с расстояния в двести километров. Хоть бы задумались, с каких это пор фейерверки сопровождаются подземными толчками. Все это я немедленно изложил нашим, но они ответили, что и сами знают, который нынче год, и посоветовали почитать «Вестник Милеса». В «Вестнике» черным по белому было написано, что этой ночью «жители Милеса могли любоваться впечатляющим зрелищем военных учений с применением новейших средств боевой техники». «А я что говорил!» – воскликнул было я, но меня прервал Миртил. Он рассказал, что рано утром к его бензоколонке подъехал заправиться незнакомый шофер фирмы «Дальние перевозки», взял сто пятьдесят литров бензина, две банки автола, ящик мармеладу и по секрету сообщил, будто этой ночью взорвались по неизвестной причине подземные заводы ракетного горючего. Погибло якобы двадцать три человека охраны и вся ночная смена, да еще сто семьдесят девять человек пропало без вести. Мы все ужаснулись, но тут желчный Парал агрессивно осведомился: «А зачем же тогда, спрашивается, ему понадобился мармелад?» Этот вопрос поставил Миртила в тупик. «Ладно, ладно, – сказал он. – Слыхали. Хватит с меня». Нам тоже нечего было сказать. Действительно, причем здесь мармелад? Калаид пошипел, побрызгал, но так ничего и не сказал. И тогда вперед выдвигается этот старый осел Пандарей. «Старички, – говорит он. – Слушайте. Никакие это были не ракетные заводы. Мармеладные это были заводы, ясно? Ну, теперь держитесь». Мы так и сели. «Подземные мармеладные заводы? – говорит Парал. – Ну, старина, ты сегодня в отличной форме». Мы стали хлопать Пандарей по спине, приговаривая: «Да, Пан, сразу видно, плохо ты нынче спал, старина. Заездил тебя Минотавр, Пан, плохо твое дело. Пора, пора тебе на пенсию, Пан, дружище!» – «Полицейский, а сам сеет панику», – обиженно сказал Миртил, единственный, кто принял Пандареевы слова всерьез. «На то он и Пан, чтобы сеять панику», – сострил Димант. И Полифем тоже сострил удачно, хотя и совершенно неприлично. Пока мы так развлекались, Пандарей стоял столбом, распухал на глазах и только ворочал головой, совсем как бык, которого одолевают матадоры. В конце концов он застегнул китель на все пуговицы и, глядя поверх голов, гаркнул: «Поговорили – все!

Р-р-разойдись! Именем закона». Миртил пошел к себе на бензоколонку, а остальные наши отправились в трактир.

В трактире мы сразу заказали пива. Вот удовольствие, которого я был лишен, пока не уволился на пенсию! В таком маленьком городке, как наш, учителя знают все. Родители твоих учеников почему-то воображают, будто ты чудотворец и своим личным примером способен помешать их детям устремиться по стопам родителей. Трактир с утра до поздней ночи буквально кишит этими родителями, и если ты позволяешь себе невинную кружку пива, то на следующий день непременно имеешь унижительный разговор с директором. А я люблю трактир! Люблю посидеть в доброй мужской компании, ведя неторопливые серьезные беседы на произвольные темы, рассеянно ловя слухом гул голосов и звон стаканов за спиной, люблю рассказать и выслушать соленый анекдотец, сыграть в четыре короля – по маленькой, но с достоинством и при выигрыше заказать всем по кружке. Ну ладно.

Япет подал нам пиво, и мы заговорили о войне. Одноногий Полифем заявил, что если бы это была война, то уже началась бы мобилизация, а желчный Парал возразил, что, если бы это была война, мы бы уже ничего не знали. Не люблю я разговоров о войне и с удовольствием завел бы разговор о пенсиях, но где уж мне... Полифем положил костыль поперек стола и спросил, что, собственно, Парал понимает в войнах. «Знаешь ты, например, что такое базука? – грозно спросил он. – Знаешь ты, что такое сидеть в окопе, на тебя прут танки и ты еще не заметил, что навалил полные штаны?». Парал возразил, что про танки и про полные штаны он ничего не знает и знать не хочет, а вот про атомную войну мы все знаем одинаково. «Ложись ногами к взрыву и ползи на ближайшее кладбище», – сказал он. «Шпаком ты был, шпаком и умрешь», – сказал одноногий Полифем. – Атомная война – это война нервов, понял? Они нас, а мы их, и кто первый навалит в штаны, тот и проиграл». Парал только пожал плечами, и Полифем распалился окончательно. «Базуки! – орал он. – Тарзоны! Р-раз – и полные штаны! Верно, Аполлон?» Накричавшись вдоволь, он ударился в воспоминания, как мы с ним отбивали в снегах танковую атаку. Терпеть не могу этих воспоминаний. Сплошные полные штаны. Не знаю, может, так оно все и было, не помню. Да и не люблю к этому возвращаться. А Полифем как был казармой, так и остался. Представления не имею, что же еще нужно оторвать человеку, чтобы он навсегда перестал быть унтер-офицером. А может быть, все дело в том, что не довелось ему попасть в «котел», как мне. Или тут в характере дело?

Мы засиделись, и я решил заодно пообедать. Обычно у Япета кормят хорошо, но на этот раз фирменный его суп с клецками густо отдавал деревянным маслом, и я об этом так и сказал. Оказывается, у Япета третий день болят зубы, да так невыносимо, что он ничего толком не может попробовать. «А помнишь, Феб, как я выбил тебе зуб?» – грустно спросил он. Еще бы я не помнил! Это было в седьмом классе, мы вместе ухаживали за Ифигенией и дрались каждый день. Боже мой, как далеки те времена, когда я мог драться! Ифигения, оказывается, теперь замужем за каким-то инженером на юге, у нее уже внуки и грудная жаба.

Когда я шел к Ахиллесу, у дома господина Лаомедонта стояла эта его страшная красная машина с бронестеклами, и за рулем раскуривал этот гнусный молодчик, который всегда надо мной издевается. И теперь он пристал ко мне так, что пришлось с достоинством перейти на другую сторону улицы, не обращая на него никакого внимания. Ахиллес восседал за кассой и рассматривал свой «Космос». С тех пор как он раздобыл этот синий треугольник с серебряной надпечаткой, он взял себе за правило доставать альбом как раз к моему приходу, словно бы случайно. Я его вижу насквозь и потому виду не подаю. Хотя, по правде говоря, сердце у меня всегда при этом обливается кровью. Одно утешение, что треугольник у него все-таки с наклейкой. Я ему так и сказал. «Да, – сказал я, – ничего не скажешь, Ахилл, отличная вещь. Жаль только, что с наклейкой». Он весь перекосячился и проворчал, что зелен, мол, виноград. «Что поделаешь», – отвечал я ему спокойно. – Наклейка есть наклейка, и никуда от нее не уйдешь. Лично я эту марку за такую цену не взял бы. Зачем она мне с наклейкой? У некоторых, конечно, – сказал я, – такие широкие взгляды, что они берут и гашеные и с наклейками, но это не по мне, несерьезно. Я беру их разве что для обменного

фонда. Всегда ведь найдется протак, которому что с наклейкой, что без – все едино». Я тебя отучу тыкать мне в нос серебряную надпечатку!

А в общем мы хорошо провели с ним время. Он меня убеждал, будто вчерашний фейерверк – это полярное сияние редкого вида, случайно совпавшее с особым видом землетрясения, а я ему втолковывал про маневры и взрыв мармеладного завода. Спорить с Ахиллесом невозможно. Ведь видно же, что человек сам в свои слова не верит, а спорит, упорствует. Сидит как монгольский истукан, смотрит в окно и твердит одно и то же, что, мол, в этом городе не я один разбираюсь в феноменах природы. Можно подумать, что они там в своем фармацевтическом училище действительно упражнялись в серьезных науках. Нет, ни с кем из наших невозможно довести хоть какой-нибудь спор до разумного завершения. Вот Полифем, например. Он никогда не спорит по существу. Истина его не интересует, ему одно важно: посрамить оппонента. Положим, спор идет о форме нашей планеты. Совершенно точными, известными каждому образованному человеку аргументами я доказываю ему, что земля есть, грубо говоря, шар. Он ожесточенно и безуспешно атакует каждый аргумент по очереди, а когда мы доходим до формы земной тени во время лунных затмений, он вдруг заявляет что-нибудь вроде: «Тень, тень... Наводишь тут тень на ясный день. Бородавку сначала под носом выведи да волосы на своей плечи отрасти, а тогда уж и спорь». Или, скажем, Парал. Пospорил я с ним как-то о способах излечения алкоголизма. Оглянуться не успел, как мы перешли к внешней политике тогдашнего президента, а от нее – к проблеме панспермии. И что самое удивительное – до панспермии и до внешней политики мне тогда не было и сейчас нет никакого дела, а алкоголизмом мучительно для всех окружающих страдал двоюродный племянник Гермियोны. Сейчас-то он в армии, военфельдшер, а в то время жизнь моя была сплошным кошмаром. Да, алкоголизм есть бич народов.

Спор наш закончился тем, что Ахиллес достал заветную бутылочку, и мы выпили по рюмке джина. Торговля у Ахиллеса идет неважно. У меня такое впечатление, что ему и на джин бы не хватало, если бы не мадам Персефона. Вот и сегодня опять пришли от нее. «Могу предложить антигест», – говорит Ахиллес деликатным шепотом. «Нет, – отвечает посыльная, – просили чего-нибудь повернее, пожалуйста». Повернее, видите ли, ей. Прибегал еще поваренок от Япета за зубными каплями, а больше никто не приходил, и мы побеседовали всласть. Я обменял розовый «Монумент» на его серию «Красный Крест». Собственно, «Красный Крест» мне не нужен, но Харон позавчера сказал, что к нему в редакцию пришло объявление: «Возьму „Красный Крест“, предлагаю любую перевернутую надпечатку из стандарта». Надо признаться, что, как это ни странно, Харон – единственный человек в нашем доме, который надо мной не хихикает. Вообще, если подумать, он совсем не плохой человек, и Артемида поступает не только аморально, но и неблагородно. А каков этот Никострат!

Возвращаюсь домой в девять вечера и вижу, что они опять сидят у меня в саду, в тени и, правда, не целуются, но надо же все-таки совесть иметь. Я вышел в сад, взял Артемиду за руку и говорю этому хлыщу: «До свидания, господин Никострат, спокойной ночи». Артемида вырывает у меня свою руку и, ни слова не говоря, уходит. А этот распутник, весьма неуклюже пытаясь сгладить неловкость, затевает со мной разговор о муниципальных рекомендациях, которые следует прилагать к прошению о пенсии. И я стою и его слушаю. Его палкой надо гнать из сада, а я его слушаю. Деликатность моя проклятая. И неуверенность. Вот уж действительно комплекс неполноценности. И тут он вдруг скверно осклабляется и говорит: «А как поживает очаровательная госпожа Гермियोна? Вы, господин Аполлон, не промах. От такой экономки я бы тоже не отказался». У меня сердце упало, и я совсем уже онемел. А он, не дождавшись ответа – да и зачем ему мой ответ? – удалился, хохоча на всю улицу, и я остался один в темном саду.

Да, ничего не поделаешь. Наши отношения с Гермиейной придется все-таки как-то урегулировать. Знаю ведь, что ни к чему это мне, но спокойствие душевное требует жертв.

Иногда меня охватывает настоящий ужас при мысли о том, что дело с моей пенсией не образуется. У меня все стесняется внутри, и я совершенно ничем не могу заниматься.

Но если рассуждать логически, дело должно кончиться самым благоприятным образом. Во-первых, я проработал учителем тридцать лет, если не считать перерыва на войну. Точнее, даже тридцать лет и два месяца. Во-вторых, я ни разу не менял место службы, никогда не прерывал стажа на переезды и другие отвлекающие обстоятельства и только однажды, семь лет назад, брал кратковременный отпуск за свой счет. А участие в военных действиях не может считаться перерывом стажа, это же ясно. По самым приблизительным подсчетам, через мои классы прошло более четырех тысяч учеников, почти все нынешнее население города. В-третьих, последние годы я все время был на виду и трижды замещал директора гимназии на время его отпуска. В-четвертых, работал я безупречно, имею шестнадцать благодарностей министерства, личный адрес покойного министра ко дню моего пятидесятилетия, а также бронзовую медаль «За усердие на ниве народного просвещения». Целый ящик в моем столе специально отведен под благодарственные адреса родителей. В-пятых, моя специальность. Сейчас все свихнулись на этом космосе, так что астрономия – предмет актуальный. По-моему, это тоже довод. Вот как окинешь все это взглядом, и кажется: какие могут быть сомнения? На месте министра я бы, не задумываясь, назначил мне первый разряд. Господи, тогда бы я, наконец, успокоился. Ведь, по сути дела, мне не так уж много надо в жизни. Три-четыре сигареты, рюмка коньяку, кое-какая мелочь на карты, вот и все. Ну и марки, конечно. Первый разряд это сто пятьдесят в месяц. Сто я отдаю Гермione на хозяйство, двадцать – на книжку про черный день, а то, что останется, это уж будет мое. Тут и на марки хватит и на все прочее. Неужели я не заслужил?

Плохо, что старый человек никому не нужен. Выжмут его как лимон и иди подыхай. Благодарности, адреса? Кого это сейчас интересует? Медаль? У кого их нет? И обязательно ведь кто-нибудь прицепится, что был в плену. В плену был? Был. Три года? Три года. Все! Значит, стаж прерывался на три года, получите свой третий разряд и не раздувайте нашу переписку.

Вот если бы знакомства! А кстати, один мой ученик, а именно генерал Алким, и поныне сидит в Нижнем конгрессе. Что, если ему написать? Он меня должен помнить, у нас с ним было много тех маленьких конфликтов, о которых с таким удовольствием вспоминают ученики, ставши взрослыми. Ей-богу, напишу. Так прямо и начну: «Здравствуй, мальчик. Вот я уже и старик...» Подожду немного и напишу.

Сегодня весь день сидел дома: Гермione вчера была в гостях у тетки и принесла оттуда большой пакет со старыми марками. Разбирая их, получил огромное удовольствие. Это ни с чем нельзя сравнить. Это как бесконечный медовый месяц. Оказалось несколько отличных экземпляров, правда, все с наклейками, придется реставрировать. Миртил разбил у себя во дворе палатку и живет там со всей семьей. Хвастался, что может собраться и выехать за десять минут. Рассказывал, что связи с Марафинами по-прежнему нет. Наверняка врет. Пьяный Минотавр наехал своей грязной цистерной на красный автомобиль господина Лаомедонта и подрался с шофером. Обоих отвели в участок. Есть все-таки справедливость на свете. Артемида сидит тихо, как мышка: вот-вот должен вернуться Харон. Я уж Гермione ничего не рассказываю. Может быть, как-нибудь обойдется. Эх, получить бы первый разряд!

4 ИЮНЯ

Только что кончил читать вечерние газеты, но по-прежнему ничего не понимаю. Несомненно, какие-то изменения произошли. Но какие именно? И вследствие каких событий? Любят у нас приврать, вот что.

Утром, попив кофе, я отправился на «пяточок». Утро было хорошее, теплое. (Температура плюс восемнадцать, облачность ноль баллов, ветер южный, 1 метр в секунду по моему анемометру). Выйдя за калитку, я увидел, что Миртил суетится вокруг

разложенной на земле палатки. Я спросил его, что это он. «Ладно, ладно, – ответил он с сильным раздражением. – Умники нашлись. Ну и сидите, ждите, пока вас всех перережут». Я Миртилу ни на грош не верю, но от таких разговоров у меня всегда мурашки. «Да что еще случилось?» – спросил я. «Марсианцы», – коротко ответил он и принялся уминать палатку коленом. Я его не сразу понял и, может быть, именно поэтому у меня от этого странного слова возникло ощущение, будто надвигается нечто страшное и неодолимое. Ноги у меня ослабели, и я присел на бампер грузовика. Миртил молчал, только пыхтел и сопел. «Как ты сказал?» – спросил я. Он упаковал палатку, перекинул ее в кузов и закурил. «Марсианцы напали, – сказал он шепотом. – Теперь нам всем конец. Марафины сожгли, говорят, дотла, десять миллионов убитых в одну ночь, представляешь? А нынче пожаловали к нам в мэрию. Власть теперь ихняя, так что все. Сеять уже запретили, а теперь, говорят, желудки всем вырезать будут. Желудки им зачем-то нужны, представляешь? Я этого дожидаться не буду, желудок мне самому нужен. Я как услышал про все это, так сразу и решил: эти новые порядочки не для меня, пропади оно тут все пропадом, а я еду к брату на ферму. Я уже старуху с ребятами отправил на автобусе. Отсидимся, осмотримся, а там видно будет». – «Постой, – сказал я, отчетливо понимая, что он все врет, но слабея все более. – Постой, Миртил, что ты такое говоришь? Кто напал? Кто сжег? У меня сейчас зять в Марафинах». – «Накрылся твой зять, – сказал Миртил сочувственно и бросил окурочок. – Считаю, что дочка твоя овдовела. То-то секретарю раздольице... Ну, я поехал. Прощай, Аполлон. Мы с тобой всегда были по-доброму. Я на тебя зла не имею, и ты меня лихом не поминай». – «Господи! – в отчаянии закричал я, совсем уже ослабев. – Да кто напал-то?» – «Марсианцы, марсианцы!» – сказал он, снова переходя на шепот. – Оттуда! – Он поднял палец к небу. – С кометы подвалили». – «Может быть, марсиане?» – с надеждой спросил я. – «Ладно, ладно, – сказал он, забираясь в кабину. – Ты учитель, тебе виднее. А вот мне так все равно, кто мне кишки выпустит...» – «Господи, Миртил, – сказал я, поняв окончательно, что все это вранье. – Ну нельзя же так. Ты же пожилой человек, у тебя внуки. Какие могут быть марсиане, если Марс – безжизненная планета? Нет там жизни, это научный факт». – «Ладно, ладно, – проворчал Миртил, но было видно, что он засомневался. – Какой там еще факт». – «Да не ладно, а так оно и есть на самом деле, – сказал я. – Спроси любого ученого. Да что там ученого, это каждый школьник знает!» Миртил крикнул и вылез из кабины. «Пропади оно все пропадом! – сказал он, запуская пятерню в затылок. – Кого слушать-то? Тебя мне слушать? Или Пандарей мне слушать? Ничего не пойму». Он плюнул и ушел в дом.

Я тоже решил вернуться домой, чтобы позвонить в полицию. Пандарей, как оказалось, был очень занят, потому что Минотавр проломил решетку в камере и сбежал, так что Пандарей теперь нужно было организовывать облаву. Кто-то действительно часа полтора назад приезжал в мэрию, какое-то начальство, может быть даже марсиане, ходят слухи, что марсиане, но насчет вырезания желудков никаких указаний не поступало, и вообще ему не до марсиан, потому что один Минотавр, на его взгляд, хуже всех марсиан, вместе взятых.

Я поспешил на «пятак».

Почти все наши толпились у входа в мэрию и яростно спорили по поводу каких-то странных следов в пыли. Оставил эти следы приехавший марсианин, это им было точно известно. Морфей твердил, что таких чудовищ даже он, старый парикмахер и массажист, не видывал еще никогда. «Пауки, – говорил он, – громадные мохнатые пауки. То есть самцы у них мохнатые, а самки голые. Ходят на задних лапах, а передними хватают. Видал следы? Жуткое дело! Словно дырки. Это он здесь прошел». – «Дело не в том, что прошел, – рассудительно говорил Силен. – У нас на земле сила тяжести больше, вот Аполлон подтвердит, так что они просто ногами ходить не способны. Для этого у них есть специальные пружинные ходули, они-то и оставляют в пыли дырки». «Правильно, ходули, – невнятно подтверждал Япет с повязанной щекой. – Да только это не ходули. Это у них машина такая, это я в кино видел. Не на колесах у них машины, а на таких рычагах, на ходулях». – «Опять наш казначей отвертелся, – сказал желчный Парал. – В прошлый раз град был необыкновенной силы, в позапрошлый объявилась саранча, а теперь вот он марсиан

подстроил – на уровне эпохи, в связи с освоением космического пространства». – «Не могу я на эти следы равнодушно смотреть, – твердил Морфей. – Жуткое дело. Пошли, старички, выпьем, а?» Калаид, который уже давно бился, шипел и содрогался, произнес наконец: «По-п-погодка нынче хорошая, старички! К-как спалось?» Всегда он из-за своего дефекта речи отстает от событий. А ведь он все-таки ветеринар, мог бы что-нибудь сказать полезное по поводу следов. «А Миртил уже деру дал, – сказал Димант, глупо хихикая. – Прощай, говорит, Димант, мы с тобой всегда были по-доброму. Присмотри, говорит, за бензоколонкой, и, если что, сожги ты ее, говорит, чтобы не оставлять неприятелю». Тут я осторожно спросил, что слышно о Марафинах. «Марафины, говорят, сожгли, – охотно ответил Димант. – Звонили, говорят, оттуда, предлагают сохранять спокойствие». Я совершенно уверился в том, что все это бессмысленные слухи, и приготовился было опровергать их, но тут раздался вой полицейской сирены и мы все обернулись.

Через площадь заячьим зигзагом бежал, шатаясь, расхлюстанный и опухший Минотавр, а за ним на полицейском вездеходе гнался Пандарей. Он стоял, держась за ветровое стекло, что-то выкрикивал и размахивал наручниками. «Все, сейчас догонит», – сказал Морфей. «Это как сказать, – возразил Димант. – Видал, что делает?» Минотавр подбежал к телеграфному столбу, обхватил его руками и ногами и стал карабкаться вверх. Однако Пандарей уже соскочил с машины и вцепился ему в штаны. Вдвоем с младшим полицейским они оторвали золотаря от столба, повалили его в вездеход и надели наручники. После этого младший полицейский уехал, а Пандарей, утираясь носовым платком и на ходу растегиваясь, направился к нам. «Поймал, – сообщил Морфей, обращаясь к Диманту. – Вечно ты споришь». Пандарей приблизился и спросил, что тут у нас новенького. Ему объяснили про марсианские следы. Он немедленно присел на корточки и погрузился в исследование обстоятельств. Я даже проникся к нему невольным уважением, потому что сразу бросалась в глаза настоящая профессиональная хватка: он глядел на эти следы как-то сбоку и ничего не трогал руками. У меня появилось предчувствие, что вот сейчас все разъяснится. Пандарей двигался вдоль следов утицей, широко поводя обтянутым задом, и все время повторял: «Ага... Все ясно... Ага... Ясно...» Мы нетерпеливо ждали, храня молчание, и только Калаид силился что-то сказать и шипел. Наконец Пандарей с кряхтением выпрямился и, озирая площадь, словно бы в расчете кого-то обнаружить, отрывисто произнес: «Двое. Деньги вынесли в мешке. У одного трость с клинком, второй курит „Астру“». – «Я тоже курю „Астру“», – сказал желчный Парал, и Пандарей сразу на него уставился. «Кого двое? – спросил Димант. – Марсиан?» – «Сначала я думал, что это не наши, – медленно проговорил Пандарей, не сводя глаз с Парала. – Сначала я подумал, что это ребята из Милеса, я их знаю». Тут разразился Калаид. «Н-н-нет, не догнать ему на машине», – объявил он. «А как же марсиане? – сказал Димант. – Не понимаю...» Пандарей, по-прежнему игнорируя прямые вопросы, разглядывал Парала. «Дай-ка мне твою сигарету, старичок», – сказал он. «Это зачем?» – спросил Парал. – «Интересуюсь я посмотреть твой прикус, – объяснил Пандарей, – а также, где ты сегодня был с шести до семи утра». Мы поглядели на Парала, и Парал сказал, что, по его мнению, Пандарей самый большой дурак в мире, если не считать того кретина, который принял Пандарея на работу в полицию. Мы были вынуждены с ним согласиться и принялись хлопать Пандарея по спине, приговаривая: «Да, Пандарей, это ты, старик, дал маху. Не понял ты, старина Пан, что это следы марсианина. Хотя, конечно, откуда тебе знать, старичина, про марсиан? Это тебе не золотарь, Пан!» Пандарей начал понемногу разбухать, но тут из мэрии вышел одноногий Полифем и с ходу врезался в наше веселье. «Дрянь дело, старички! – озабоченно сказал он. – Марсиане наступают, взяли Милес! Наши отходят, жгут посевы, рвут за собой мосты!» У меня опять ослабели ноги и не стало даже сил протолкаться к скамейке и сесть. «Высадили десант на юге: две дивизии, – хрипел Полифем. – Скоро будут здесь!» – «Они уже были здесь, – сказал Силен. – На таких специальных ходулях. Вон следы...» Полифем только глянул и сразу же с негодованием сказал, что это его следы, и все сразу поняли – точно, его. Даже не его, а его костыля. Для меня это было большим облегчением. А Пандарей, как

только до него дошло, застегнул китель на все пуговицы и, глядя поверх голов, гаркнул: «Поговорили – все! Р-разойдись! Именем закона».

Я вошел в мэрию. Все там было забито какими-то плоскими мешками, которые стояли вдоль стен в коридорах, на лестничных площадках и даже в приемной. От мешков исходил незнакомый запах, и окна везде были раскрыты настежь, но в остальном все было как обычно. Господин Никострат сидел за своим столом и полировал ногти. Туманно ухмыляясь и с очень неясной интонацией, он дал мне понять, что о марсианах по долгу службы распространяться не имеет права, однако может положительно утверждать, что к вопросу о пенсии все это вряд ли имеет какое-нибудь отношение. Достоверно только одно: пшеницу в наших местах сеять отныне будет невыгодно, а выгодно будет сеять некий новый питательный злак с универсальными, как он выразился, свойствами. Вот в этих мешках содержатся семена, и с сегодняшнего дня их начнут распределять между фермами округа. «А откуда мешки?» – спросил я. «Доставлены», – ответил он веско. Я превозмог робость и осведомился, кто их доставил. «Официальные лица», – сказал он, выбрался из-за стола, извинился и развинченной своей походкой удалился в кабинет мэра. Я зашел в канцелярию и побеседовал с машинистками и со сторожем. Как это ни странно, они подтвердили почти все слухи о марсианах, но не оставили у меня впечатление подлинной информированности. Ох, уж эти мне слухи! Никто в них не верит, но все их повторяют. Дело доходит до искажения простейших фактов. Вот, например, Полифем и его взорванные мосты. Что было на самом деле? Полифем явился на «пятак» первым. Его увидели из окна и пригласили в канцелярию починить пишущую машинку. Пока он трудился, развлекая девиц рассказами о том, как ему оторвало ногу, в канцелярию вошел господин мэр, постоял, послушал с задумчивым видом, произнес загадочную фразу: «Да, господа, мосты, видимо, сожжены», – и вернулся в свой кабинет, откуда немедленно потребовал бутерброды с сардинами и бутылку фаргосского пива. А Полифем растолковал девицам, что мосты обыкновенно уничтожают за собой при отступлении, дабы воспрепятствовать продвижению противника. Остальное понятно. Глупость какая! Я счел своим долгом объяснить служащим мэрии, что таинственная фраза господина мэра означает всего-навсего: решение принято бесповоротно. Естественно, на всех лицах изобразилось сразу же облегчение, смешанное, впрочем, с некоторым разочарованием.

На «пятачке» никого не оказалось, Пандарей всех разогнал. Почти совсем уже успокоившись, я направился к Ахиллесу рассказать о новых моих приобретениях и прощупать почву относительно архитектурной серии: может быть, он возьмет гашеную, раз чистую все равно не достать. Ведь берет же он с наклейками. Однако Ахиллес тоже находился под гнетом распространившихся слухов. На мое предложение он рассеянно ответил, что подумает, и тут же, сам того не заметив, подал мне блестящую идею. «Марсиане, – сказал он, – новая власть. А ты знаешь, Феб, новая власть – новые марки». Я поразился, как эта простая мысль не пришла мне в голову самому. Действительно, если бы слухи были хоть отчасти верны, то первой же разумной акцией этих мифических марсиан был бы выпуск новых, своих марок или по крайней мере надпечатывание наших старых. Я торопливо простился с Ахиллесом и напрямик направился на почту. Ну, конечно же, никакой корреспонденции с новыми марками не поступало и вообще ничего нового на почте не было. Когда мы, наконец, отучимся верить слухам? Ведь хорошо известно, что Марс обладает чрезвычайно разреженной атмосферой, климат его чрезмерно суров и почти отсутствует вода, являющаяся основой всей жизни. Мифы о каналах давно и решительно развенчаны, ибо каналы оказались не чем иным, как оптическим обманом. Короче говоря, все это напоминает мне панику в позапрошлом году, когда одноногий Полифем бегал по городу с дробовиком и кричал, что из столичного зоопарка сбежал гигантский тритон-людоед. Миртил тогда ухитрился вывезти весь дом и не решался вернуться в город две недели.

Сумеречный разум моих необразованных сограждан, убаюканный монотонной жизнью, при малейших колебаниях рождает поистине фантастические призраки. Наш мир подобен

погруженному в ночной сон курятнику, где стоит лишь нечаянно коснуться перышка какой-нибудь пеструшки, дремлющей на шестке, как все приходит в неопишное волнение, мечется, кудахчет и разбрасывает помет во все стороны. А по-моему, жизнь и без того достаточно беспокойна. Всем нам следовало бы беречь свои нервы. Я читал, что слухи опасны для здоровья в гораздо большей степени, чем даже курение. Автор доказывал это с цифрами в руках. Там еще было написано, что сила воздействия панического слуха прямо пропорциональна невежеству масс, и это верно, хотя должен признаться, что даже самые образованные из нас удивительно легко поддаются общему настроению и готовы мчаться куда глаза глядят вместе с обезумевшей толпой.

Все это я намерен был рассказать нашим, когда по дороге в трактир заметил, что на «пяточке» вновь собралась толпа. Я повернул туда и убедился, что слухи уже оказали свое разрушительное действие. Моих рассуждений и слушать никто не стал. Все были возбуждены сверх всякой меры, а ветераны потрясали оружием, которое не успели должным образом освободить от смазки. Выяснилось, что из казарм восемьдесят восьмого пехотного полка пришли в увольнение солдаты и рассказали нечто несообразное.

Позапрошлой ночью полк был поднят по тревоге и в течение некоторого времени, а именно до утра, в полной боевой готовности просидел в бронетранспортерах и грузовиках на плацу. Утром тревогу отменили, и вчерашний день прошел обычным порядком. Этой ночью все повторилось с той, однако, разницей, что утром в казармы прибыл на вертолете полковник генерального штаба, приказал выстроить полк в каре и, не вылезая из вертолета, произнес длинную, совершенно непонятную речь, после чего улетел, и тогда полк почти целиком распустили в увольнение. Надо сказать, что солдаты, успевшие уже изрядно подзаправиться у Япета, говорили крайне невнятно и то и дело начинали известную неприличную песню «Ниоба-Ниобея, нисколько не робея...». Однако было ясно, что в речи полковника генерального штаба о марсианах не было сказано ни слова. Полковник говорил, собственно, только о двух вещах – о патриотическом долге солдата и о его желудочном соке, причем каким-то неуловимым образом связывал эти два понятия воедино. Сами солдаты во всех этих тонкостях не разобрались, но поняли твердо, что всякий, кто с нынешнего утра будет пойман сержантом с жевательной резинкой «нарко» или с сигаретой «опи», немедленно загремит в карцер на десять суток и будет там сгноен. Сразу после отлета полковника командир полка, не распуская каре, приказал младшим офицерам и сержантам произвести в казармах тщательные обыски на предмет изъятия всех сигарет и жевательных резинок, содержащих тонизирующие вещества. Больше солдаты ничего не знали, да и знать не хотели. Крепко обняв друг друга за плечи, они с таким угрожающим видом грянули: «Ниоба-Ниобея, скучаю по тебе я», что мы поспешно расступились и выпустили их.

Тут Полифем со своим костылем и дробовиком взгромоздился на скамейку и заорал, что генералы нас предали, что кругом шпионы и что настоящие патриоты должны сплотиться вокруг знамени, поскольку патриотизм и так далее. Этот Полифем жить не может без патриотизма. Без ноги он жить может, а вот без патриотизма у него не получается. Когда он охрип и замолчал, чтобы перекурить, я попытался все-таки как-то вразумить наших и стал рассказывать, что жизни на Марсе нет и быть не может, все это выдумки. Однако говорить мне опять не дали. Сначала Морфей сунул мне под нос утреннюю столичную газету с большой статьей «Есть ли жизнь на Марсе?». В этой статье все прежние научные данные подвергались ироническому сомнению, а когда я, не растерявшись, попробовал дискутировать, Полифем протиснулся ко мне, схватил меня за ворот и грозно захрипел: «Бдительность усыпляешь, зараза? Шпион марсианский, дерьмо плешивое! К стенке тебя!» Я не могу, когда со мной так обращаются. У меня началось сердцебиение, и я крикнул полицию. Хулиганство какое! В жизни Полифему этого не прощу. Что он себе воображает! Я вырвался, обозвал его одноногой свиньей и ушел в трактир.

Приятно было убедиться, что патриотические вопли Полифема были противны не только мне. В трактире уже находился кое-кто из наших. Все обсели Кронида-архивариуса, поили его по очереди пивом и выпытывали насчет утреннего посещения марсиан. «Чего там

марсиане, – говорил Кронид, с трудом ворочая белками. – Марсиане как марсиане. Одного зовут Калханд, другого Элей, оба южане, с такими вот носами...» – «Ну, а машина?» – спрашивали его. «Машина как машина, черная, летает... Нет, не вертолет. Летает, и все. Да что я вам – летчик? Откуда я могу знать, как она летает?...» Я пообедал, дождался, пока от него отстанут, взял две порции джина и подсел к нему. «Насчет пенсий ничего нового не слышно?» – спросил я. Однако Кронид уже ничего не понимал. Глаза у него слезились, он только хлопал, как автомат, рюмку за рюмкой и бормотал: «Марсиане как марсиане, один Калханд, другой Элей... Черные, летают... Нет, не дирижабли... Элей, говорю... Не я, а летчик...» Потом он заснул.

Когда в трактир ввалился Полифем со своей бандой, я демонстративно пошел домой. Миртил так и не уехал. Он снова разбил свою палатку, сидит и варит ужин на газовой плитке. Артемиды дома не было, ушла куда-то, не сказавшись, а Гермiona чистила ковры. Чтобы успокоиться, я занялся реставрацией марок. Приятно все-таки думать, какого мастерства я достиг. Не знаю, способен ли кто-нибудь отличить мой наведенный клей от настоящего. Во всяком случае, Ахиллес не способен.

Теперь о сегодняшних газетах. Удивительные нынче газеты. Почти все полосы заняты рассуждениями различных медиков о разумных режимах питания. С каким-то противоестественным негодованием говорится о медицинских препаратах, содержащих опий, морфий и кофеин. Что же, если у меня теперь заболит печень, я должен терпеть? Ни в одной газете нет филателистического отдела, о футболе – ни слова, зато все газеты перепечатавают гигантскую, совершенно бессодержательную статью о значении желудочного сока. Можно подумать, что я и без них не знаю, какое значение имеет желудочный сок. Ни одной телеграммы из-за границы, ни слова о последствиях эмбарго – завели глупую дискуссию о пшенице, в пшенице, мол, не хватает витаминов, пшеница, мол, слишком легко поражается вредителями, а некий Марсий, магистр сельскохозяйственных наук, договорился до того, что тысячелетняя история культивирования пшеницы и других полезных злаков (овса, кукурузы, маиса) является всемирной ошибкой человечества, каковую ошибку, впрочем, еще не поздно исправить. Я в пшенице ничего не понимаю, специалистам виднее, но статья написана в недопустимо критиканском, я бы сказал, в подрывном тоне. Сразу видно, что этот Марсий типичный южанин, нигилист и крикун.

Вот уже двенадцать часов, а Артемиды все нет. И домой она не вернулась, и в саду ее не видно, а между тем на улицах полно пьяных солдат. Могла хотя бы позвонить, где находится. Я все жду – придет Гермiona и спросит, что происходит с Артемидой. Представления не имею, как я буду отвечать. Не люблю я таких разговоров, не выношу. Спрашивается, в кого у меня такая дочь? Покойница была очень скромная женщина, единственный раз только она увлеклась городским архитектором, но увлечение это было – две-три записочки, одно письмо. И сам я никогда не был кобелем, как выразился бы Полифем. До сих пор с ужасом вспоминаю свой визит к мадам Персефоне. Нет, такое времяпровождение не для цивилизованного человека. Все-таки любовь, даже самая что ни на есть плотская, – это таинство, и заниматься любовью в компании даже хорошо знакомых и доброжелательных людей совсем не так увлекательно, как это описывается в некоторых книгах. Упаси бог, я, конечно же, не думаю, что моя Артемида предастся сейчас вакхическим пляскам среди бутылок, но она могла бы по крайней мере позвонить. Можно только удивляться глупости моего зятя. Я бы на его месте давно вернулся.

Я совсем уже собрался было закрыть дневник и отправиться спать, когда в голову мне пришла следующая мысль. А Харон ведь, по-видимому, недаром так задержался в Марафинах. Страшно подумать, но я, кажется, догадываюсь, в чем тут дело. Неужели же они решились? Я вспоминаю сейчас все эти сборища под моей крышей, этих его странных приятелей с вульгарными привычками и скверными манерами – какие-то механики с грубыми голосами, пьющие виски без сельтерской и курящие отвратительные дешевые сигары; какие-то стриженные крикуны с болезненным видом лица, щеголяющие в джинсах и пестрых рубашках, никогда не вытирающие ноги в передней; и все их разговоры о всемирном

правительстве, о какой-то технократии, об этих невысказанных «измах», органическое неприятие всего, что гарантирует мирному человеку покой и безопасность; я вспоминаю и понимаю теперь, что произошло. Да, мой зять и его сообщники были экстремистами, и вот они выступили. Все эти разговоры о марсианах – это, конечно, искаженные отголоски истинных событий. Заговорщики всегда обожали громкое, таинственно звучащее слово, и не исключено, что теперь они называют себя «марсианами», или каким-нибудь «обществом по благоустройству планеты Марс», или, скажем, «марсианским возрождением». Даже то, что магистр сельскохозяйственных наук носит имя Марсий, звучит для меня многозначительно: вполне вероятно, он является главой переворота. Что остается непонятным, так это неприязнь путчистов к пшенице и нелепая их заинтересованность в желудочном соке. Наверное, это просто отвлекающий маневр для того, чтобы сбить с толку общественность.

Конечно, я плохо разбираюсь в путчах и революциях, мне трудно найти объяснение всему, что сейчас происходит, но я знаю одно. Когда нас гнали, как баранов, замерзать в окопах, когда черные рубашки лапали наших жен на наших же постелях, где вы были тогда, господа экстремисты? Тоже навешивали на себя значки и орало: «Да здравствует вождь!» Если вам так нравятся перевороты, почему вы делаете их всегда не вовремя? Кому вы сейчас нужны с вашими переворотами? Мне? Или Миртилу? Или, может быть, Ахиллесе? Почему вы не оставите нас в покое? Все вы, господа, унтер-офицеры, и ничем вы не лучше дурака-патриота Полифема.

Экзема, дрянь, замучила. Чешусь как обезьяна на ярмарке, никакие капли не помогают, никакие мази. Врут все аптекари. Никакие лекарства мне не нужны. Покой мне нужен, вот что!

Если у Харона достанет ума не остаться в задних рядах, первый разряд мне обеспечен.

5 июня

Этой ночью спал плохо. Сначала разбудила Артемида, которая явилась только в час пополудни. Я совсем решился поговорить с нею начистоту, но ничего не вышло: она меня поцеловала и заперлась в своей спальне. Пришлось принять снотворное, чтобы успокоиться. Задремал, приснилась какая-то ерунда. А в четыре часа утра я был опять разбужен, на этот раз Хароном. Все спят, а он разговаривает громко, на весь дом, словно, кроме него, здесь никого нет. Я накинул халат и вышел в гостиную. Господи, на него смотреть было страшно. Я сразу понял, что переворот не удался.

Он сидел за столом, жадно поедая все, что ему приносила заспанная Артемида, и тут же на столе, прямо на скатерти, были разложены замасленные части какого-то огнестрельного оружия. Он был небрит, глаза у него были красные, воспаленные, волосы взлохмачены и торчали слипшимися космами, и за едой он чавкал, как золотарь. Он был без пиджака и, надо полагать, именно в таком виде появился в дом. Ничего в нем не осталось от главного редактора небольшой, но уважаемой газеты. Сорочка на нем была разорвана и выпачкана землей, руки грязные, с обломанными ногтями, а на груди виднелись ужасные вспухшие царапины. Поздороваться со мной он не подумал, только глянул сумасшедшими глазами и пробормотал, давясь пищей: «Дождались, сволочи!» Я пропустил это дикое приветствие мимо ушей, потому что видел: человек не в себе, но сердце у меня упало, и ноги ослабели так, что я вынужден был тут же присесть на диван. И Артемида была сильно испугана, хотя всячески старалась это скрыть. Но Харон не обращал на нее никакого внимания, а только гаркал на всю округу: «Хлеба!», или: «Бренди, черт подери!», или: «Где горчица, Арта? Я уже двадцать раз просил!» Никакого разговора в обычном смысле этого слова у нас не получилось. Тщетно стараясь преодолеть сердцебиение, я спросил Харона, как он съездил. В ответ он прорычал совершенно невразумительно, что съездил он по морде, да, видно, не тому, кому следовало. Я попытался переменить тему, направить разговор в более мирное русло и осведомился насчет погоды в Марафинах. Он посмотрел на меня, как будто я его смертельно оскорбил, и только прорычал в тарелку: «Идиоты безмозглые...» Решительно

нельзя было с ним разговаривать. Он все время ругался последними словами – и когда ужинал, и потом, когда, отодвинув локтем тарелки, принялся ободранными руками собирать свое оружие. Хорошо еще, что Гермiona спит так крепко, она не присутствовала при этой сцене, она не переносит грубости. Все у него были сволочи, и я никак не мог понять, что произошло. В общем выходило так, что «вся эта сволочь докатилась в своем сволочизме до того, что теперь любая распоследняя сволочь может делать со всей этой сволочью что угодно, и никакая сволочь пальцем не пошевелит, чтобы помешать всей этой сволочи заниматься любым дерьмом». Бедняжка Артемида стояла за его плечом, ломая пальцы, и слезы бежали по ее щекам. Время от времени она умоляюще взглядывала на меня, но что я мог сделать? Мне самому нужна была помощь, у меня словно пелена какая-то стояла перед глазами от нервного напряжения. Ни на минуту не переставая ругаться, он собрал свое оружие (это оказался современный армейский автомат), вставил обойму и тяжело поднялся на ноги, сбросив на пол две тарелки. Артемида, моя бедная девочка, с бледным без кровинки лицом так и потянулась к нему, и тогда он, казалось, немного смягчился. «Ну-ну, малыш, – сказал он, перестав ругаться и неловко обнимая ее за плечи, – я мог бы взять тебя с собой, да только вряд ли это тебя обрадует. Я ведь знаю тебя как облупленную».

Даже я ощутил мучительную необходимость, чтобы Артемида нашла сейчас какие-то нужные слова. И, словно уловив мою телепатему, девочка, заливаясь слезами, задала ему главный, по моему мнению вопрос: «Что же теперь с нами будет?» Я сразу понял, что с Хароновой точки зрения это были совсем не самые нужные слова. Он сунул автомат под мышку, похлопал Артемиду по заду и, неприятно оскалась, сказал: «Не беспокойся, детка, ничего нового с тобой не будет», – после чего направился прямо к выходу. Но я не мог ему позволить уйти просто так, не давши никаких объяснений. «Одну минутку, Харон, – сказал я, преодолевая слабость. – Что же теперь будет? Что с нами сделают?» Этот мой единственный вопрос привел его в неопишную ярость. Он остановился на пороге, повернулся вполоборота и, как-то болезненно дергая коленом, прошипел сквозь зубы следующие странные слова: «Хоть бы одна сволочь спросила, что она ДОЛЖНА делать. Так нет же, каждая сволочь спрашивает только, что С НЕЙ будут делать. Успокойтесь, ваше будет царство небесное на Земле». После этого он вышел, громко хлопнув дверью, и через минуту на улице заворчал, удаляясь, его автомобиль.

Следующий час прошел словно в аду. У Артемиды началось нечто вроде истерики, хотя больше это напоминало приступ неудержимого бешенства. Она перебила всю посуду, оставшуюся на столе, сорвала и швырнула в телевизор скатерть, стучала кулаком в дверь и сдавленным голосом кричала что-то вроде: «Так я для тебя дура?... Дура я для тебя, да?... А ты?... А ты... Да наплевать мне на тебя... Ты как хочешь, и я как хочу!... Понял?... Понял?... Понял?... Еще прибежишь, еще на коленях!...» Наверное, надо было дать ей воды, отшлепать ее по щекам и все такое, но сам я был распростерт на диване, и не было никого, кто бы принес мне таблетку валидола. Кончилось тем, что Артемида умчалась к себе, не обратив на меня никакого внимания, а я, отлежавшись немного, дополз до кровати и забылся в каком-то полубомороке.

Утро выдалось пасмурное, дождливое. (Температура плюс семнадцать, облачность десять баллов, ветра нет.) Объяснение Артемиды с Гермией по поводу беспорядка в гостиной я, к счастью, проспал. Знаю только, что был скандал и обе ходят надутые. На лице Гермией, когда она подавала кофе, явно обозначилось намерение закатить выговор и мне, однако она промолчала. Вероятно, я очень плохо выгляжу, а она женщина добрая, за что я ее и ценю. После кофе я собрался было с силами сходить на «пяточок», но тут является мальчишка-рассыльный и приносит мне так называемую повестку, подписанную Полифемом. Оказывается, я рядовой член «Добровольной Городской Антимарсианской Дружины», и мне уже предписывается «прибыть к десяти часам утра на площадь Согласия, имея при себе огнестрельное либо холодное оружие и запас пищи на три дня». Да что я ему, молокосос какой-нибудь? Разумеется, я из принципа никуда не пошел. От Миртила, который все еще живет в палатке, я узнал, что с самого рассвета в мэрию прибывают фермеры,

забирают там мешки с семенами нового злака и везут их к себе на поля. Якобы урожай пшеницы, обреченный на уничтожение, скупается правительством на корню на выгодных условиях, вручается также задаток за урожай нового злака. Фермеры подозревают во всем этом очередную аграрную аферу, но поскольку с них не требуют ни денег, ни письменных обязательств, не знают, что и подумать. Миртил уверяет (меня!), что никаких марсианцев нет, потому что жизнь на Марсе невозможна, а есть просто новая аграрная политика. Однако выехать из города он готов в любой момент и на всякий случай тоже взял себе мешок семян. В газетах, как и вчера, одна пшеница и желудочный сок. Если так пойдет дальше, я откажусь от подписки. По радио – тоже пшеница и желудочный сок, я уже не включаю, а смотрю только телевизор, где все как было до путча. Господин Никострат приехал на машине, Артемида выскочила ему навстречу, и они укатили. Не желаю об этом думать. Может быть, это судьба в конце концов.

Поскольку болтовня о пшенице и этом желудочном соке не прекращается, путч, по-видимому, все-таки удался. Харон же, по свойственной ему неуживчивости, не получил того, на что рассчитывал, со всеми там рассорился и оказался в оппозиции. Боюсь, что из-за него у нас еще будут неприятности. Когда такие сумасшедшие, как Харон, берутся за автомат, они стреляют. Боже мой, настанет ли когда-нибудь время, когда у меня не будет неприятностей?

6 июня

Температура плюс шестнадцать, облачность девять баллов, ветер юго-западный, шесть метров в секунду. Исправил анемометр.

Экзема совсем замучила, приходится бинтовать руки. Вдобавок ноют обмороженные уши – наверное, к перемене погоды.

Марсиане так марсиане. Надоело мне об этом спорить.

7 июня

Глаз до сих пор болит, заплыл и ничего не видит. Хорошо, что это левый глаз. Примочки Ахиллеса помогают лишь отчасти. Ахиллес говорит, что синяк будет замечен не менее недели. Сейчас он красно-синий, потом сделается зеленым, потом пожелтеет и исчезнет совсем. Какая все-таки жестокость, какое бескультурье! Ударить пожилого человека, всего лишь собиравшегося задать невинный вопрос. Если марсиане начинают с этого, то я не знаю, чем они кончат. И жаловаться некому, одно только и остается делать – ждать прояснения обстановки. Глаз так болит, что страшно даже вспомнить, как я радовался сегодняшнему безмятежному утру. (Температура плюс двадцать, облачность ноль баллов, ветер южный, один метр в секунду.)

Когда, позавтракав, я поднялся на чердак, чтобы произвести метеорологические наблюдения, я с некоторым удивлением заметил, что поля за городом приняли определенно синеватый оттенок. Вдали поля до такой степени сливались с лазурью неба, что линия горизонта как таковая была совершенно размыта, хотя прозрачность воздуха была очень хороша и всякая дымка отсутствовала. Эти новые марсианские семена взошли удивительно быстро. Надо ожидать, что не сегодня-завтра они окончательно забьют пшеницу.

Придя на площадь, я обнаружил, что почти все наши, а также огромное количество прочих обывателей, которым надлежало бы быть сейчас на работе, фермеры, а также школьники, которым надлежало бы заниматься играми, столпились вокруг трех больших автофургонов, украшенных разноцветными плакатами и рекламными картинками. Я подумал было, что это бродячий цирк, тем более что рекламы предлагали полюбоваться несравненными канатоходцами и другими обыкновенными героями манежа, однако Морфей, стоявший здесь уже давно, объяснил мне, что никакой это не цирк, а передвижные донорские пункты. Внутри там помещаются специальные насосы с кишками, и при каждом насосе

сидит здоровенный детина в докторском халате, который предлагает каждому, кто заходит, отсосать излишки, и дает удивительную цену: пятерку за стакан. «Какие излишки?» – спросил я. Оказалось, что излишки желудочного сока. Весь мир помешался на желудочном соке.

«Неужели это марсиане?» – спросил я. «Какие там марсиане, – сказал Морфей. – Здоровенные волосатые парни. Один кривой». «Ну и что же, что кривой? – естественно, возразил я. – Представитель любой расы, будь то на Земле или на Марсе, если ему повредят один глаз, становится кривым». Тогда я еще не знал, что эти мои слова являются пророчеством. Просто меня раздражало самомнение Морфея. «В жизни не слыхал о кривых марсианах», – заявил он.

Публика вокруг прислушивалась к нашему разговору, и он в приступе тщеславия счел необходимым поддержать свое сомнительное реноме дискуSSIONЕРА. А ведь ничего в этом предмете не смыслит! «Никакие это не марсиане, – заявляет он. – Обыкновенные ребята из столичных пригородов. Там таких дюжина на каждый трактир». – «Наши сведения о Марсе настолько скудны, – спокойно говорю я, – что предположение, будто марсиане похожи на парней из пригородных трактиров, во всяком случае, не противоречит никакой научной истине». – «Это точно, – вмешивается стоящий рядом незнакомый фермер. – Это вы очень убедительно сказали, господин-не-знаю-как-вас-величать. У этого кривого руки по локоть в татуировке, и все голые бабы. Как засучил он рукава, да как подошел ко мне с этой кишкой – нет, думаю, ни к чему нам это». – «Так что говорит наука насчет татуировки у марсиан?» – ехидно спрашивает Морфей. Это он хотел меня уколоть. Дешевый прием, от него так и разит парикмахерской. Такими штучками меня не собьешь. «Профессор Зефир, – говорю я, глядя ему прямо в глаза, – главный астроном Марафинской обсерватории, ни в одной из своих многочисленных статей не отрицает такого обыкновения у марсиан». «Это точно, – подтверждает фермер. – Они в очках, им виднее». И Морфею пришлось все это проглотить. Он пришипился и со словами: «Пива выпить...» стал выбираться из толпы, а я остался ждать, что будет дальше.

Некоторое время ничего не было. Все только стояли, глазели и тихо переговаривались. Фермеры да торговцы – нерешительный народ. Потом в первых рядах произошло движение. Какой-то сельский житель сорвал вдруг с себя соломенную шляпу, с размаху ударил ее себе под ноги и громко закричал: «Эх! Пять монет – тоже деньги, не так, что ли?» Произнеся эти слова он решительно поднялся по ступенькам деревянной лестнички и просунулся в дверь фургона, так что нам осталась видна лишь задняя половина его туловища, вся в пыли и в репьях. Что он там говорил и о чем спрашивал – за дальностью расстояния осталось неизвестным. Я видел только, что вначале поза его была напряженной, затем он как бы расслабился, принялся переступать ногами, сунул руки в карманы и, подавшись назад, покачал головой. Затем он, ни на кого не глядя, осторожно опустился на землю, подобрал свою шляпу и, тщательно отряхнув ее от пыли, смешался с толпой. В двери же фургона возник человек действительно очень большого роста и действительно кривой на один глаз. Если бы не белый халат, он со своей черной повязкой через лицо, небритой щетиной и волосатыми татуированными руками вполне сошел бы за преступного обитателя трущоб. Мрачно оглядев нас, он неторопливо опустил завернутые рукава, вытащил сигарету и, закурив, произнес грубым голосом: «А ну, заходи! Пять монет дается. За каждый стаканчик пять монет. Деньги ведь! Наличными. Ты за пять монет сколько горб ломать должен? А здесь проглотил кишку, и вся недолга! Ну?!» Я смотрел на него и не мог надивиться близорукости администрации. Да как же можно рассчитывать, что обыватель, и даже фермер, согласится доверить свой организм такому громиле? Я выбрался из толпы и пошел на «пятак».

Все наши были уже там, все с дробовиками, а некоторые и с белыми повязками на рукавах. Полифем напялил старую военную фуражку и, обливаясь потом, произносил речь. У него выходило, что злодеяния марсиан стали уже абсолютно нестерпимыми, и что все патриоты стонут и обливаются кровью под их игом, и что пришла, наконец, пора дать

настоящий отпор. А виною всему, утверждал Полифем, являются дезертиры и предатели вроде толстозадых зажавшихся генералов, аптекаря Ахиллеса, труса Миртила и этого отступника Аполлона.

В глазах у меня потемнело, когда я услышал последние слова. Я совершенно потерял дар речи и опомнился только, заметив, что никто, кроме меня, Полифема не слушает. Все, оказывается, слушали не одноногого дурака, а Силен, который только что вернулся из мэрии и рассказывал, будто налоги впредь будут взиматься исключительно желудочным соком и что из Марафин пришло указание, приравнивающее отныне желудочный сок к обычным денежным единицам. Желудочный сок якобы будет теперь иметь хождение наравне с деньгами и все банки и сберегательные кассы готовы обменивать его на валюту. Желчный Парал сейчас же заметил: «Окончательно докатились. Золотой запасец порастранжирили и теперь желудочным соком деньги обеспечить пытаются». – «Как же это так? – сказал Димант. – Не понимаю. Это что же, теперь нужно будет посуду специальную заводить, вроде кошельков? А если я им воды вместо сока принесу?» «Слушай, Силен, – сказал Морфей. – Я тебе десятку должен. Соком возьмешь?» Очень он оживился, вечно ему денег не хватало на выпивку, вечно он пил за чужой счет. «Хорошие времена, старички! – воскликнул он. – Захочется мне, например, выпить, иду это я в банк, выделяю им излишки, получаю наличными и – в трактир». Тут Полифем снова заорал. «Купили вас! – орал он. – Продались марсианам за желудочный сок! Вы тут продались, а они вон по городу разъезжают, как по своему Марсу!»

И действительно, через площадь медленно и совсем не производя никакого шума двигалась очень странная машина черного цвета, словно бы вовсе без колес, без окон и без дверей. За нею с криками и свистом бежали мальчишки, некоторые пытались прицепиться к ней сзади, но она была совершенно гладкая, как рояль, и прицепиться им было не за что. Очень необычная машина. «Неужели она действительно марсианская?» – спросил я. «Ну, а чья же еще? – раздраженно сказал Полифем. – Твоя, что ли?» «Никто не говорит, что моя, – возразил я ему. – Мало ли машин на свете, что же они все марсианские?» – «А я и не говорю, что все, требуха ты старая! – заорал Полифем. – Я говорю, марсиане, гады, разъезжают по городу, как у себя дома! А вы тут все продались!» Я только пожал плечами, не желая связываться, а Силен очень рассудительно ответил ему: «Извини, Полифем, но твои крики начинают меня утомлять. И не одного меня. По-моему, мы все исполнили свой долг. Мы вступили в дружину, мы почистили оружие, что же еще, спрашивается?» – «Патрули! Патрули нужны! – с надрывом сказал Полифем. – Дороги надо перекрывать! Не пропускать марсиан в город!» – «Да как же ты их не пропустишь?» – «Да черт бы тебя подрал, Силен! Как не пропустишь? Очень просто! Стой, кто идет? Буду стрелять! И пали!» Не могу я этого слушать. Не человек, а казарма. «Ну, может, создадим патрули? – сказал Димант. – Трудно нам, что ли?» – «Это не наше дело, – решительно сказал я. – Пусть вот Силен подтвердит, что это незаконно. На это есть армия. Пускай она и занимается патрулями и всякой стрельбой».

Не выношу я этих военных игр и в особенности, если командует Полифем. Садизм какой-то. Были, помню, у нас в городе противоатомные учения, так он для полной имитации разбросал везде дымовые шашки, чтобы никто не манкировал противогазами. Сколько людей отравилось – это же кошмар. Он же унтер-офицер, ему ничего поручать нельзя. Или однажды приперся в школу на урок гимнастики, преподавателя изругал последними словами и принялся на своей ноге показывать ребятишкам строевой шаг. Ведь если его в патруль поставить, он будет палить из своего дробовика по каждому, пока в город продовольствие подвозить не перестанут. Он и по марсианам, пожалуй, шарахнет, чего доброго, а те в отместку возьмут и город сожгут. Но наше старичье как дети, ей-богу. В патрули так в патрули. Плюнул я демонстративно и пошел в мэрию.

Господин Никострат полировал ногти и на мои стесненные вопросы ответил примерно так. Финансовая политика правительства в новых условиях несколько меняется. Большую роль в денежном обращении будет теперь играть так называемый желудочный сок. Следует

ожидать, что в ближайшее время указанный сок начнет иметь хождение наравне с деньгами. Специального распоряжения о пенсиях пока нет, но есть веские основания полагать, что раз налоги принимаются так называемым желудочным соком, то и пенсии будут выплачиваться все тем же так называемым желудочным соком. Сердце у меня упало, но я собрался с духом и прямо спросил господина Никострата, нельзя ли понимать его слова так, что этот так называемый желудочный сок не является собственно желудочным соком, а представляет собой некий символ новой финансовой политики. Господин Никострат неопределенно пожал плечами и, продолжая рассматривать ногти, произнес: «Желудочный сок, господин Аполлон, это желудочный сок». «Зачем же мне желудочный сок?» – спросил я в полном отчаянии. Он вторично пожал плечами и заметил: «Вы же прекрасно знаете, что желудочный сок необходим каждому человеку». Мне было абсолютно ясно, что господин Никострат либо врет, либо чего-то недоговаривает. Я так отчаялся, что потребовал свидания с господином мэром. Но мне было отказано. Тогда я покинул мэрию и записался в патруль.

Если человеку, беспорочно проработавшему тридцать лет на ниве народного просвещения, предлагают в награду пузырек желудочного сока, то этот человек вправе демонстрировать любую степень негодования. Марсиане тут виноваты или не марсиане не имеет решительно никакого значения. Я не выношу никаких анархических действий, но за свои права готов драться с оружием в руках. И хотя всем понятно, что протест мой носит чисто символический характер, пусть они об этом задумаются, пусть они знают, что имеют дело не с тварью бессловесной. Конечно, если бы донорские пункты стали у нас системой и если бы банк и сберегательная касса действительно принимали бы желудочный сок в обмен на валюту, я отнесся ко всему этому иначе. Однако о банках и сберкассах рассказывал один только Силен, и это пока всего лишь неподтвержденный слух. А что касается донорских пунктов, то Морфей, записавшись в патруль и решив немедленно sprysnutь это дело, отдал себя в руки кривого громилы, вернулся с красными слезящимися глазами и, показав нам новенькую, хрустящую пятерку, сообщил, что фургоны сейчас уезжают. Значит, ни о какой системе не может быть и речи: приехали и уехали. Успел сдать излишки – хорошо, не успел – пеняй на себя. По-моему, это возмутительно.

Полифем назначил меня в паре с зайкой Калаидом патрулировать площадь Согласия и прилегающие к ней улицы с двенадцати до двух часов ночи. Выдав нам удостоверения, написанные от руки Силеном, он растроганно похлопал меня по плечу и сказал: «Старая гвардия! Что бы эти дерьмовые шпаки делали без нас, Феб? Я знал, что в решительный час ты будешь рядом». Мы обнялись и прослезились оба. В сущности, ведь Полифем неплохой человек, просто он любит, чтобы ему подчинялись беспрекословно. Вполне понятное желание. Я попросил у него разрешения быть свободным и направился к Ахиллесу. Патруль патрулем, а на всякий случай следовало предпринять кое-какие меры. Что такое желудочный сок, спрашивал я Ахиллеса. Кому он может понадобиться? На что он годен? Ахиллес сказал, что этот сок нужен для успешного переваривания пищи и, пожалуй, больше ни для чего. Это я и без него знал. «Скоро я смогу предложить тебе большую партию так называемого желудочного сока, – сказал я. – Может быть, возьмешь?» Он ответил, что подумает, и тут же предложил обменять мой неполный «зоосад» на беззубцовую авиапочту двадцать восьмого года. Ничего не скажешь, беззубцовочка эта – вещь уникальная, но у Ахиллеса она с двумя наклейками и с каким-то сальным пятном. Не знаю, не знаю.

Выйдя из аптеки, я снова увидел марсианскую машину. Возможно, это была та самая машина, а может быть, и другая. Нарушая все правила уличного движения, она плыла посередине улицы, двигаясь, правда, со скоростью пешехода, так что я имел возможность хорошо ее рассмотреть – я шел в трактир, и нам было по пути. Самое первое мое впечатление оказалось совершенно правильным: более всего машина походила на очень запыленный рояль обтекаемой формы. Время от времени под нею что-то вспыхивало, и она слегка подпрыгивала, но это, видимо, не было неисправностью, потому что она продолжала неуклонно продвигаться вперед, не останавливаясь ни на секунду. Ни окон, ни дверей различить было нельзя даже с близкого расстояния, но больше всего меня поражало

отсутствие колес. Правда, мое сложение не позволяло мне нагнуться достаточно низко, чтобы заглянуть под днище. Вероятно, там все-таки были колеса – не может же быть, чтобы так уж ни одного колеса не было.

Неожиданно машина остановилась. И конечно же, она остановилась перед особняком господина Лаомедонта. Помнится, я с горечью подумал: ведь есть же на свете люди, для которых новый ли президент, старый ли президент, марсиане, или кто-нибудь еще – не составляет никакой разницы. Всегда, думал я, любая власть относится к ним с уважением и вниманием, которого они отнюдь не заслуживают и даже, если говорить об уважении, наоборот. Однако произошло нечто совершенно неожиданное. Справедливо полагая, что из машины сейчас кто-то выйдет и я увижу, наконец, живого марсианина, я остановился в сторонке и стал наблюдать вместе с другими обывателями, ход мыслей которых совпадал, по-видимому, с моим. К нашему изумлению и разочарованию, из машины, однако, вышли вовсе не марсиане, а какие-то приличные молодые люди в узких пальто и одинаковых беретах. Трое из них подошли к парадному входу и позвонили, а двое в свободных позах, засунув руки глубоко в карманы своих пальто, расположились рядом с машиной, опершись на нее разными частями тела. Парадная дверь открылась, трое вошли внутрь, и оттуда сейчас же донеслись странные, не очень громкие звуки, словно кто-то один принялся там небрежно передвигать мебель, а другие стали размеренными ударами выбивать ковер. Двое, оставшиеся возле машины, не обращали на эти звуки никакого внимания. Они пребывали в прежних позах, один рассеянно смотрел вдоль улицы, а другой, позевывая, разглядывал верхний этаж особняка. Не переменили они позу и через минуту, когда из парадной двери медленно и осторожно, как слепой, вышел мой обидчик, шофер господина Лаомедонта. Лицо его было бледно, рот широко раскрыт, глаза выпучены и стеклянны, а обе руки он крепко прижимал к животу. Сойдя на тротуар, он прошел несколько шагов, с кряхтением сел, посидел немного, сутулясь все больше и больше, а затем повалился на бок, скорчился, перебрал ногами и замер неподвижно. Должен признаться, что сначала я ничего не понял. Все происходило так неторопливо, в такой спокойной деловой обстановке, на фоне такого обычного городского шума, что у меня невольно возникло и укрепилось ощущение, будто так, собственно, и должно быть. Я не испытывал никакого беспокойства и не искал никаких объяснений. Я так доверял этим молодым людям, таким приличным, таким сдержанным... Вот один из них рассеянно поглядел на лежащего шофера, закурил сигарету и снова стал разглядывать верхний этаж. Мне даже показалось, что он улыбается. Потом послышался топот ног, и из подъезда один за другим вышли: молодой человек в узком пальто, промакивающий губы платочком; господин Лаомедонт в роскошном восточном халате, без шляпы и в наручниках; другой молодой человек в узком пальто, снимающий на ходу перчатки; и наконец, третий молодой человек в узком пальто, нагруженный оружием. Правой рукой он прижимал к груди три или четыре автомата, в левой руке он нес несколько пистолетов, просунув палец сквозь спусковые скобы, и еще на каждом плече у него висело по ручному пулемету. На господина Лаомедонта я взглянул только один раз, и этого было вполне достаточно – у меня до сих пор сохранилось впечатление чего-то красного, мокрого и липкого. Вся кавалькада неторопливо пересекла тротуар и скрылась в недрах машины. Оставшиеся снаружи двое молодых людей лениво оттолкнулись от полированного борта, подошли к лежащему шоферу, осторожно взяли его за руки и за ноги и, слегка раскачав, бросили в подъезд. Один из них затем извлек из кармана и аккуратно приклеил рядом со звонком какую-то бумагу, после чего машина, не разворачиваясь, с прежней скоростью двинулась в обратном направлении, а оставшиеся молодые люди с самым скромным видом прошли через расступившуюся толпу и скрылись за углом.

Когда я очнулся от столбняка, в который был ввергнут неожиданностью и необычайностью случившегося, и вновь обрел способность размышлять, я ощутил нечто вроде психического потрясения, как если бы передо мною свершилось поворотное действие истории. Я уверен, что нечто подобное пережили и ощутили и остальные свидетели. Мы все сгрудились перед подъездом, но никто не решался войти внутрь. Я надел очки и через

головы прочитал прокламацию, наклеенную под звонком. Прокламация гласила: «Наркотики – яд и позор нации! Пришла пора покончить с наркотиками. И мы с ними покончим, а вы нам поможете. Беспощадно покараем тех, кто распространяет наркотики». Будь это кто-нибудь другой, разговор хватил бы часа на два, а тут все только обменивались междометиями, не в силах побороть еще привычную робость: «Ай-яй-яй-яй...», «Надо же, а!», «Эхе-хе-хе-хе...», «Да, господа, увя!...» Кто-то вызвал полицию и врача. Врач вошел в дом и занялся там шофером. Потом прибыл Пандарей на полицейском вездеходе. Он потоптался на крыльце, несколько раз перечитал прокламацию, почесал в затылке и даже заглянул в двери, но войти струсил, хотя врач раздраженно звал его в самых непочтительных выражениях. Он встал в дверях, расставив ноги, засунув руки за ремень и надувшись, как индюк. С появлением полиции толпа несколько осмелела и заговорила более определенно: «Таким, значит, манером, а?», «Да, что уж тут, все ясно...», «Интересно, интересно, господа!», «В жизни бы не поверил...» Я с тревогой чувствовал, что языки развязываются, и хотел уже уйти, хотя любопытство одолевало меня, но тут Силен обратился к Пандарей с прямым вопросом: «Итак, Пан, закон все-таки восторжествовал? Решились, наконец?» Пандарей значительно поджал губы и, поколебавшись, произнес: «Я так полагаю, что это не мы решились». «Как же это так – не вы? А кто же тогда?» – «Я так полагаю, что это столичная жандармерия», – громовым шепотом произнес Пандарей, оглядевшись по сторонам. «Какая же это жандармерия? – возразили в толпе. – Жандармерия и вдруг в марсианской машине! Нет, никакая это не жандармерия». – «Так что же это, по-вашему? Сами марсиане, что ли?» Пандарей надулся еще больше и гаркнул: «Эй, кто там про марсиан? Осторожно!» Но на него больше не обращали внимания. Языки развязались окончательно: «Машина, может, и марсианская, да сами они не марсиане, это точно. Повадки у них наши, человеческие». «Верно! Какое, спрашивается, марсианам дело до наркотиков?», «Э, старина, новая метла чисто метет. А до желудочного сока нашего какое им дело?», «Нет, господа, это были не люди. Слишком, понимаете ли, спокойные, слишком молчаливые. Думается мне, что это были сами марсиане. Работают, как машины», «правильно, машины! Роботы! Зачем марсианам руки пачкать? У них роботы есть». Пандарей, не удержавшись, тоже вмешался с предположением. «Нет, старички, – провозгласил он. – Никакие это не роботы. Это теперь порядок такой. В жандармерию теперь набирают исключительно глухонемых. В целях сохранения государственной тайны». Гипотеза эта вызвала сначала изумление, а затем ядовитые реплики, большей частью очень остроумные, но я запомнил только замечание желчного Парала. Парал выразился в том смысле, что неплохо было бы и в полицию набирать исключительно глухонемых, но не в целях сохранения государственной тайны, а чтобы оградить ни в чем не повинных людей от белиберды, извергаемой на них этими официальными лицами. Расстегнувшийся было Пандарей, конечно, сейчас же раздулся, снова застегнул китель и заорал: «Поговорили – все!» И нам, к сожалению, пришлось разойтись, хотя именно в эту минуту, подкатила карета «Скорой помощи». Старый осел так рассвирепел, что мы могли лишь издали наблюдать, как из подъезда выносят изувеченного шофера, а следом, к нашему удивлению, еще два каких-то тела. До сих пор неизвестно, кто были эти двое.

Все наши направились в трактир, и я тоже. За стойкой непринужденно расположились те самые двое молодых людей в узких пальто. Как и прежде, они были спокойны и молчаливы, пили джин и рассеянно смотрели вверх голов. Я заказал себе полный обед и, насыщаясь, наблюдал, как самые любопытные из наших постепенно придвигаются к молодым людям. Смешно было смотреть, как неумело Морфей пытается завести с ними разговор насчет погоды в Марафинах, а Парал, вознамерившись взять быка за рога, предлагает им выпивку. Молодые люди, как бы не видя никого вокруг, исправно поглощали придвигавшиеся к ним напитки, но продолжали хранить бесстрастное молчание. Шутки их не смешили, намеки их не задевали, а прямых вопросов они словно бы даже и не слышали вовсе. Я не знал, что и думать. Я то восхищался их необычной выдержкой, их полным равнодушием к смешным попыткам втянуть их в разговор, то начинал склоняться к мысли,

что это действительно марсианские роботы, что отвратительная внешность марсиан не позволяет им представать перед нами самолично, то подозревал в них самих марсиан, о которых мы, в сущности, до сих пор ничего не знаем. Наши, обнаглев, сгрудились вокруг молодых людей и уже без всякого стеснения обсуждали их личности, а кое-кто осмеливался даже пробовать на ощупь материал их пальто. Все теперь были убеждены, что перед ними роботы. Япет даже начал беспокоиться. Подавая мне бренди, он расстроено сказал: «Как же так – роботы? Взяли по два джина, по два бренди, две пачки сигарет, а платить кто будет?» Я объяснил ему, что программа робота, предусматривающая потребление напитков и сигарет, без сомнения должна предусматривать и какой-то способ оплаты потребленного. Япет успокоился, но тут у стойки началась драка.

Как потом стало известно, желчный Парал заключил пари с дураком Димантом, что Димант приложит к руке робота горящую сигарету и ничего от этого не случится. Своими же глазами я увидел вот что. Из развлекающейся толпы, подобно пробке из бутылки, вырвался вдруг Димант. Он пролетел спиной вперед через весь зал, мелко суча ногами, опрокидывая столики и встречных, и упал в углу. Не прошло и секунды, как совершенно подобным же образом, но в другом углу, оказался Парал. Наши бросились врассыпную, а я, ничего еще тогда не поняв, увидел, что молодые люди по-прежнему тихо сидят у стойки и задумчиво, одинаковым движением подносят к губам рюмки со спиртным.

Парала и Диманта подняли и оттащили за кулисы приводить в себя. Я взял свой стакан и тоже проследовал за кулисы. Мне захотелось выяснить, что произошло. Я пришел в тот момент, когда Димант уже очнулся и сидел с самым идиотским видом, ощупывая свою грудь. Парал еще не приходил в себя, но уже глотал джин и запивал содовой. Рядом с ним, держа наготове полотенце, стояла служанка, чтобы подвязать ему челюсть, когда он очнется. Там я узнал описанную выше версию инцидента и согласился с остальными, что Парал провокатор, а Димант просто дурак, не лучше Пандаря. Однако высказав эти разумные соображения, наши ничуть не удовлетворились, а забрали себе в голову, что этого так оставить нельзя. Полифем, державшийся до этого в тени, заявил, что это будет первая боевая акция нашей дружины. Этих молодчиков мы встретим, когда они выйдут из трактира, сказал он и принялся командовать, кто из нас где должен встать и по какому месту и когда начинать бить. Я немедленно отмежевался от этой затеи. Во-первых, я вообще противник насилия, во мне нет решительно ничего от унтер-офицера. Во-вторых, я не видел тогда за молодыми людьми никакой особенной вины. И наконец, я планировал вовсе не драться с ними, а поговорить о своих делах. Я потихоньку выбрался из-за кулис, вернулся к своему столику, и именно эти мои действия положили начало дальнейшему, столь огорчительному для меня событию.

Впрочем, даже сейчас, когда я гляжу на прожитый день совсем другими глазами, я должен констатировать, что логика моих поступков была и остается безупречной. Молодые люди – не из наших мест, рассуждал я. Тот факт, что они прибыли на марсианской машине, свидетельствует об их скорее всего столичном происхождении. Более того, участие их в экзекуции господина Лаомедонта свидетельствует об их несомненной принадлежности к власти имущим: вряд ли против господина Лаомедонта послали бы каких-нибудь рядовых исполнителей. Таким образом по логике вещей получалось, что молодые люди обязательно должны были быть осведомлены в новых обстоятельствах и могли сообщить мне многое из того, что меня интересует. Не в моем положении маленького человека, над которым издевается шофер господина Лаомедонта и которого отказывается информировать секретарь мэрии, можно пренебречь случаем получить правдивую информацию. С другой стороны, молодые люди отнюдь не вызывали во мне каких-либо опасений. Тот факт, что они несколько жестоко обошлись с господином Лаомедонтом и его телохранителями, нимало не настораживал меня. Это была их служба, и это был господин Лаомедонт, которому давно уже надлежало воздать по заслугам. Что же до инцидента с Паралом и Димантом, то, господа мои, Димант глуп, и иметь с ним дело невозможно, а Парал кого угодно способен вывести из себя своими желчными остротами. Я не говорю уже о том, что и сам никому не позволил бы

называть меня роботом и тем более прижигать мне руку сигаретой.

Поэтому, когда я, допив бренди, направился к молодым людям, я был совершенно уверен в успехе своего предприятия. План предстоящей беседы я продумал во всех деталях, приняв во внимание и род их деятельности, и их настроение в связи с только что имевшим место инцидентом, и их природные, видимо, молчаливость и сдержанность. Вначале я намеревался попросить у них извинения за бездарное поведение моих сопатриотов. Далее я представился бы, выразил бы надежду, что не обременяю их своей беседой, посетовал бы на качество бренди, которое Япет частенько доликает дешевыми сортами, и предложил бы им угоститься из моей персональной бутылки. И только после этого и после того, как мы обсудили бы погоду в Марафинах и в нашем городе, я рассчитывал мягко, деликатно перейти к основному вопросу. Направляясь к ним, я отметил, что один из них занят раскуриванием сигареты, а другой, отвернувшись от стойки, внимательно и, как мне показалось, с интересом следит за моим приближением. Поэтому я решил обратиться именно к нему. Подойдя, я приподнял шляпу и сказал: «Добрый вечер». И тогда этот молодчик сделал какое-то ленивое движение плечом и тотчас в голове у меня словно разорвалась граната. Ничего не помню. Помню только, что я долгое время лежал за кулисами рядом с Паралом, глотал джин, запивая содовой, и кто-то прикладывал мне к пораженному глазу мокрую холодную салфетку.

И вот теперь я спрашиваю себя: чего же ждать дальше? Никто не вступился за меня, никто не поднял голоса протеста. Все повторяется вновь. Опять молодчики, наводящие ужас, избивают граждан на улицах. А когда Полифем привез меня домой в своей индивидуальной малолитражке, дочь моя, равнодушная, как и все остальные, целовалась в саду с господином секретарем. Нет, если бы даже я знал, чем все это кончится, я все равно должен был бы, обязан был бы попытаться завязать с ними беседу. Я был бы более осторожен, я не приближался бы к ним, но от кого еще я могу получить сведения? Я не желаю трястись над каждым медяком, я не способен больше давать уроки через силу, я не хочу продавать дом, в котором прожил столько лет. Я боюсь этого, и я хочу покоя.

8 июня

Температура плюс семнадцать, облачность восемь баллов, ветер южный, 3 метра в секунду. Сажу дома, никуда не выхожу, никого не вижу. Опухоль уменьшилась, и поврежденное место почти не болит, но общий вид все равно безобразен. Весь день рассматривал марки и смотрел телевизор. В городе все по-прежнему. Вчера ночью наша золотая молодежь осадила заведение мадам Персефоны, занятое солдатами. Говорят, было форменное сражение. Поле боя осталось за армией. (Это вам не марсиане.) В газетах ничего особенного. Об эмбарго ни слова, такое впечатление, будто его отменили совсем. Есть странное выступление военного министра, набранное петитом, о том, что наше участие в боевом содружестве является бременем для страны и не так уж обоснованно, как это может показаться на первый взгляд. Слава богу, догадался через одиннадцать лет! Но главным образом пишут о фермере по имени Перифант, который замечателен тем, что способен давать до четырех литров желудочного сока в сутки безо всякого вреда для своего организма. Сообщается его трудная биография со многими интимными подробностями, приводятся интервью с ним, и несколько раз передавали сцены из его жизни по телевизору. Плотный грубоватый мужчина сорока пяти лет, без какого-нибудь интеллекта. Посмотришь на него и никак не подумаешь, что перед тобой такой удивительный феномен. Он все время упирал на свой обычай высасывать по утрам кусочек сахара. Надо будет попробовать.

Да! В нашей газете есть статья ветеринара Калаида о вреде наркотиков. Калаид там прямо пишет, что регулярное потребление наркотиков крупным рогатым скотом исключительно вредно в смысле отделения желудочного сока. Приводится даже диаграмма. Интересное наблюдение: вот ведь написано у Калаида все черным по белому, а читать невыносимо трудно. Все кажется, будто он пишет и заикается. Но в общем получается, что

господина Лаомедонта истребили за то, что он препятствовал гражданам свободно выделять желудочный сок. Создается впечатление, будто желудочный сок является неким краеугольным камнем новой государственной политики. Такого еще не бывало. Но если подумать, то почему бы и нет?

Вернулась из гостей Гермiona и рассказала, что в бывшем особняке господина Лаомедонта оборудуется стационарный донорский пункт по приему желудочного сока. Если это правда, то я одобряю и поддерживаю. Я вообще за всякую стационарность и устойчивость.

Марочки мои, марочушечки! Одни вы меня никогда не раздражаете.

9 июня

Температура плюс шестнадцать, облачность пять баллов, небольшой дождь. Опухоль исчезла совершенно, однако, как и предсказывал Ахиллес, все пространство вокруг глаза приняло безобразный зеленый оттенок. На улице появиться невозможно: ничего, кроме глупых шуток, не услышишь. Утром позвонил в мэрию, но господин Никострат изволил пребывать в юмористическом настроении и абсолютно ничего нового по поводу пенсии не сообщил. Конечно же, я разволновался, попробовал успокоиться марками, но даже марки меня не утешили. Тогда послал Гермionу в аптеку за успокаивающим, но она вернулась с пустыми руками. Оказывается, Ахиллес получил специальный циркуляр выдавать успокаивающее исключительно по рецептам городского врача. Я разозлился и позвонил ему, затеял ссору, а сказать по правде – что с него взять? Все лекарства, содержащие наркотики, строжайше учитываются полицией и специальным уполномоченным от мэрии. Что ж, лес рубят – щепки летят. Взял и выпил коньяку, прямо при Гермione. Помогло. Даже лучше. А Гермiona и не пикнула.

Утром к Миртилу, который все еще живет в палатке, вернулось семейство. Честно говоря, я обрадовался. Это был верный признак того, что положение в стране стабилизируется. И вдруг после обеда я вижу, что Миртил снова сажает их всех в автобус. В чем дело? «Ладно, ладно, – отвечает мне Миртил в своей обычно манере. – Все вы здесь умники, а я дурак...» В общем он ходил на «пяточок» и узнал там, будто казначея и архитектора марсиане намерены привлечь к ответственности за растрату и махинации; якобы их даже куда-то уже вызывали. Я попытался объяснить Миртилу, что это хорошо, что это справедливо, но куда там! «Ладно, ладно, – отвечал он. – Справедливо... Сегодня казначея с архитектором, завтра мэра, а послезавтра я не знаю кого, может быть, и меня. Нечего тут. Тебе вот они в глаз подвесили, что это – тоже справедливо?» Не могу я с ним разговаривать. Ну его.

Звонил господин Корибант, он, оказывается, замещает Харона в газете. Голос жалкий, дрожащий, какие-то у них там в газете неприятности с властями. Умолял сказать, скоро ли вернется Харон. Я говорил с ним, конечно, очень сочувственно, но не сказал ни слова о том, что Харон уже один раз возвращался. Интуитивно я чувствую, что не стоит об этом распространяться. Бог знает, где сейчас Харон и что он делает. Не хватает мне еще неприятностей из-за политики. Сам о нем никому не говорю и Артемиде с Гермionой запретил. Гермiona сразу меня поняла, но Артемиде разыграла сцену.

10 июня

Только теперь я кое-как пришел в себя, хотя по-прежнему болен и измучен. Экзема разыгралась так, как еще не бывало. Весь покрылся волдырями, все время чешусь, хотя знаю, что нельзя. И неотвязно преследует меня жуткие фантомы, от которых я хотел бы избавиться, но не могу. Я понимаю: идти убивать из-под палки, убивать, чтобы не убили тебя. Это тоже мерзко и скверно, но это по крайней мере естественно. А ведь их-то никто не заставляет. Партизаны! Я-то знаю, что это такое. Но мог ли я ожидать, что на склоне лет мне

доведется снова увидеть это своими глазами?

Началось все с того, что вчера утром вопреки всем ожиданиям я получил очень дружелюбный ответ от генерала Алкима. Он писал, что хорошо помнит меня, очень меня любит и желает мне всяческого благополучия. Письмо это сильно взволновало меня. Я просто места себе не находил. Я посоветовался с Гермиейной, и она была вынуждена согласиться, что такой случай упускать нельзя. Нас обоих смущало одно – беспокойные времена. И тут мы видим, что Миртил сворачивает свой временный лагерь и начинает перетаскивать вещи обратно в дом. Это явилось последней каплей. Гермияна сделала мне очень элегантную черную повязку через пораженный глаз, я забрал папку с документами, сел в свой автомобиль и отправился в Марафины.

Погода мне благоприятствовала, я спокойно ехал по пустынному шоссе между синееющими полями и обдумывал возможные варианты своих действий в зависимости от различных обстоятельств. Однако, как всегда, очень скоро обнаружилось непредвиденное. Примерно в сорока километрах от города двигатель начал чихать, машина задергалась, стала плохо тянуть, а потом и совсем остановилась. Случилось это на вершине холма, и когда я вылез на дорогу, передо мной открылся мирный сельский пейзаж, выглядевший, правда, несколько непривычно из-за синевы зреющих злаков. Помню, что, несмотря на задержку, я был совершенно спокоен и не удержался полюбоваться разбросанными в отдалении аккуратными белыми фермами. Синие хлеба стояли очень высоко, достигая местами человеческого роста. Никогда доселе в наших краях не урождались такие обильные хлеба. Шоссе, прямое как стрела, просматривалось до самого горизонта.

Я открыл капот и некоторое время осматривал двигатель, надеясь найти неисправность. Но я слишком неважный механик, и довольно скоро, отчаявшись, я выпрямил усталую спину и огляделся, пытаюсь сообразить, у кого можно получить помощь. Однако ближайшая ферма была все-таки слишком далеко, а на дороге виднелась только одна машина, которая приближалась со стороны Марафин, двигаясь с довольно высокой скоростью. Сначала я обрадовался, но вскоре, к своему большому сожалению, убедился, что это одна из черных марсианских машин. Впрочем, я не потерял надежды полностью, потому что помнил, что в марсианских машинах могут находиться и обыкновенные люди. Перспектива голосовать этот мрачный, черный механизм не слишком меня прельщала, боязно было, что там могут оказаться все-таки марсиане, к которым я испытывал инстинктивный страх. Но что мне оставалось делать? Я вытянул руку поперек шоссе и сделал несколько шагов навстречу машине, достигшей уже подножия холма. И тут началось ужасное.

Машина была в пятидесяти метрах от меня, когда сверкнула вдруг желтая вспышка, машина подпрыгнула и встала дыбом. Раздался громовой удар, шоссе заволокло облаком дыма. Затем я увидел, что машина словно бы пытается взлететь, она уже поднялась было над облаком, сильно кренясь набок, но тут рядом с ней одна за другой сверкнули еще две вспышки, двойной удар перевернул ее, и она всей тяжестью грохнулась об асфальт, так что я ощутил содрогание почвы своими ослабевшими от неожиданности ногами. Страшная авария, подумалось мне в первый момент. Машина загоралась, и из нее стали выбираться какие-то охваченные огнем черные фигуры. В ту же минуту поднялась стрельба. Я не мог понять, кто стреляет, откуда стреляют, но я отчетливо видел, в кого стреляют. Черные фигурки метались в дыму и пламени и падали одна за другой. Сквозь треск выстрелов я услышал душераздирающие нечеловеческие крики, и вот уже все они лежали, распростертые возле опрокинутой машины, продолжая гореть, а стрельба все еще не прекращалась. Потом машина взорвалась с ужасающим треском, белый неземной свет ударил меня по глазу, и горячий плотный воздух хлестнул мне в лицо. Я невольно зажмурился, а когда я вновь открыл глаз, то с ужасом увидел, как прямо ко мне вверх по шоссе бежит, раскорячившись, словно огромная обезьяна, черное существо, обьятое пламенем, и хвост черной копоти тянется следом за ним. В ту же секунду из синих хлебов слева от меня выскочил человек в военной форме, с автоматом наперевес, остановился посередине дороги спиной ко мне, быстро присел на корточки и принялся расстреливать черную пылающую фигуру почти в

упор. Ужас мой стал так велик, что первое оцепенение покинуло меня, я нашел в себе силы повернуться и со всех ног бросился к своему автомобилю. Как безумный я нажимал на стартер, ничего не видя перед собой, забыв, что двигатель не работает, а потом силы вновь покинули меня, и я остался сидеть в машине, бессмысленно глядя перед собой, пассивный и оглушенный свидетель страшной трагедии. Безразличие овладело мною. Словно во сне я видел, как на шоссе выходят один за другим вооруженные люди, как они окружают место катастрофы, нагибаются над горящими телами, переворачивают их и обмениваются короткими возгласами, едва слышными за шумом крови, бьющейся у меня в висках. У подножия холма их собралось четверо, а человек в военной форме, судя по погонам – офицер, стоял на прежнем месте, в нескольких шагах от последнего убитого, и перезаряжал свой автомат. Потом я увидел, как он неторопливо приблизился к лежащему, наклонил дуло автомата и дал короткую очередь. Лежащий отвратительно дернулся, и меня тут же вырвало прямо на руль и на брюки. А потом началось самое страшное.

Офицер быстро оглядел небо, затем повернулся ко мне, посмотрел – я никогда не забуду этого холодного беспощадного взгляда – и, держа автомат за рукоятку, направился к моей машине. Я слышал, как стоящие внизу что-то ему кричат, но он не обернулся. Он шел ко мне. Вероятно, на несколько секунд я впал в беспамятство, потому что дальше ничего не помню до того момента, когда очутился стоящим рядом со своим автомобилем перед этим офицером и еще двумя инсургентами. Боже, что это были за люди! Все трое были давно не бриты и грязны, одежда их была измазана и обтрепана, и мундир офицера тоже был в безобразном состоянии. Офицер был в каске, один из штатских – в черном берете, другой, носивший очки, был вообще без головного убора. «Вы что, оглохли?» – резко говорил офицер, тряся меня за плечо, а человек в берете морщился и цедил сквозь зубы: «Да оставьте вы его, зачем вам это нужно?» Я собрал остатки своих слабых сил и заставил себя говорить спокойно, потому что понимал, что речь идет о моей жизни. «Что вам угодно?» – спросил я. «Натуральный обыватель, – сказал человек в берете. – Ничего он не знает и ничего знать не хочет!» – «Подождите, инженер, – раздраженно сказал офицер. – Кто вы такой? – спросил он меня. – Что вы здесь делаете?» Я, ничего не скрывая, объяснил ему все, и, пока я говорил, он все время озирался и то и дело оглядывал небо, словно боялся дождя. Человек в берете один раз прервал меня, крикнув: «Я не желаю рисковать! Я уйду, а вы как хотите!» – После чего повернулся и побежал вниз. Но двое остались и выслушали меня до конца, а я все пытался угадать по их лицам свою судьбу, но ничего хорошего для себя не видел, и тогда мне в голову пришла спасительная мысль, и я, забыв про все, что только что говорил, сразу выпалил: «Имейте в виду, господа, я тесть господина Харона». – «Какого Харона?» – спросил инсургент в очках. «Главного редактора окружной газеты». – «Ну и что?» – спросил инсургент в очках, а офицер все оглядывал небо. Я растерялся: они явно не знали Харона. Но я все-таки сказал: «Мой зять в первый же день взял автомат и ушел из дому». «Вот как? – спросил инсургент в очках. – Это делает ему честь». – «Все это вздор, – сказал офицер. – Что у вас в городе? Что с войсками?» – «Не знаю, – сказал я. – У нас в городе все тихо». – «Вход в город свободный?» – спросил офицер. «По-моему, да, – сказал я и счел своим долгом добавить: – Но вас могут задержать патрули городской антимарсианской дружины». – «Что? – сказал офицер, и на ожесточенном лице его впервые изобразилось что-то похожее на удивление. Он даже перестал смотреть на небо и стал смотреть на меня. – Какая дружина?» «Антимарсианская, – сказал я. – Во главе с унтер-офицером Полифемом. Может быть, вы знаете? Он инвалид». «Чертовщина какая-то, – сказал офицер. – Можете вы нас отвезти в город?» У меня упало сердце. «Разумеется, – сказал я. – Но мой автомобиль...» – «Да, – сказал офицер. – Что у вас там с ним?» Я набрался решимости и соврал: «Кажется, заклинило двигатель». Офицер присвистнул и, не говоря больше ни слова повернулся и скрылся в хлебах. Инсургент в очках продолжал пристально меня разглядывать, а потом вдруг спросил: «У вас есть внуки?» – «Да! – соврал я в полном отчаянии. – Двое! Одни грудной...» Он сочувственно покивал. «Ужасно, – сказал он. – Вот это мучит меня больше всего. Они ничего не знают и теперь никогда не узнают...»

Я ничего не понимал из его слов, и я ничего не хотел понимать, я молился только, чтобы он скорее ушел и ничего мне не сделал. Почему-то мне вдруг представилось, что этот тихий человек в очках – самый страшный из них. Несколько секунд он ждал моего ответа, а потом закинул свой автомат за плечо и сказал: «Советую вам поскорее уходить отсюда. До свидания». Я не стал даже дожидаться, пока он скроется. Я повернулся и как мог быстро пошел с холма в сторону города. Словно какая-то буря несла меня на своих крыльях. Я не чувствовал ног, я не ощущал одышки, кажется, я слышал какой-то механический рокот и гул за своей спиной, но я даже не обернулся, а только попробовал бежать. Но отошел я недалеко, когда навстречу мне с проселочной дороги вывернул небольшой грузовик, битком набитый фермерами. Я был в полубеспамятстве, но нашел в себе силы преградить им дорогу. Я замахал руками и закричал: «Стойте! Туда нельзя! Там партизаны!» Грузовик остановился, меня окружили грубые простые люди, почему-то вооруженные винтовками. Меня хватили за грудь, трясли, ругали черными словами, я ничего не понимал, я был в ужасе и только через некоторое время сообразил, что меня принимают за пособника инсургентов. Ноги мои подкосились, но тут из кабины вылез шофер, оказавшийся, к счастью, моим бывшим учеником. «Да что вы, ребята! – заорал он, хватая за руки замахивающихся. – Это же господин Аполлон, городской учитель! Я его знаю». Не сразу, но в конце концов все успокоилось, и я рассказал о том, что видел. «Ага, – сказал шофер. – Так мы и поняли. Сейчас мы их выловим. Пошли, ребята». Я хотел продолжать свой путь в город, но он убедил меня, что мне безопаснее быть с ними, а машину мою он спокойненько починит, пока ребята будут ловить бандитов. Меня посадили в кабину, и грузовик покатился к месту трагедии. Вот и вершина холма, вот мой автомобиль, но дальше дорога была совершенно пуста. Не было ни трупов, ни обломков, только остались горелые пятна на асфальте, да неглубокая выбоина на том месте, где произошел взрыв. «Понятное дело, – сказал шофер, останавливая грузовик. – Подобрали уже. Во-он они летят...» Все загомонили и стали тоже указывать на горизонт в сторону Марафин, но, как я ни всматривался в безмятежное небо своим единственным глазом, так ничего и не увидел.

Потом фермеры со сноровкой, свидетельствующей об определенном опыте, без лишней суеты и споров разбились на две группы по десять человек. Группы эти рассыпались в цепи и пошли прочесывать хлеба – одна направо, другая налево. «У них автоматы, – предупредил я. – И гранаты тоже, кажется, есть». – «Это нам хорошо известно», – отвечали мне, и через некоторое время донеслись крики, говорящие о том, что облава напала на след. Шофер тем временем занялся починкой моей машины, а я, присевши на заднее сиденье, откинулся в блаженном полузабытьи, наконец-то получив время для нервного отдохновения. Шофер не только устранил неисправность (оказалось, что в бензопроводе воздушная пробка), но и почистил переднее сиденье, испачканный мною руль и приборный щиток. Слезы благодарности выступили у меня на глазах, я пожал ему руку и уплатил сколько мог. Он остался доволен. Этот простой добрый человек (я так и не смог вспомнить его имени) оказался, кроме того, и весьма разговорчивым в отличие от большинства фермеров, людей тоже простых и добрых, но угрюмых и замкнутых. Он многое объяснил мне из происходящего. Оказывается, инсургенты, которых народ называл попросту бандитами, появились в округе уже на другой день после пришествия марсиан. Первое время они дружески общались с фермерами, и тогда выяснилось, что большинство из них было жителями Марафин, людьми, как правило, образованными и на первый взгляд безобидными, если не считать военных. Намерения их остались для фермеров непонятными. Вначале они призывали сельских жителей подняться против новой власти, но необходимость в этом объясняли крайне смутно – все твердили о гибели культуры, о вырождении и прочих книжных вещах, не затрагивающих интересы сельского человека. Однако фермеры их кормили и давали им ночлег, потому что обстановка оставалась неясной и еще неизвестно было, чего можно ожидать от новых порядков. Когда же обнаружилось, что от новых властей ничего плохого, кроме хорошего, не видно, когда власть, давши хорошую цену, скупила на корню урожай (даже не урожай, а всходы), когда она выдала щедрый аванс под урожай синего

хлеба, когда словно с неба стали падать деньги за бесполезный до того желудочный сок и когда, с другой стороны, выяснилось, что бандиты устраивают засады против представителей администрации, везущих в деревню деньги, когда уполномоченный из Марафин ясно дал понять, что с этим безобразием надобно для всеобщей пользы скорее кончать, тогда отношение к инсургентам совершенно переменялось.

Несколько раз мы прерывали нашу беседу и прислушивались. С полей доносились редкие выстрелы, и каждый раз мы удовлетворенно кивали друг другу и перемигивались. Я уже совсем оправился и сел за руль, чтобы развернуть машину домой (у меня и в мыслях, конечно, не осталось продолжать путь в Марафины: бог с ним, с Алкимом, раз на дорогах такое творится), когда облава возвратилась на шоссе. Сначала четверо фермеров притащили к грузовику два неподвижных тела. Одного убитого я узнал – это был человек в берете, которого офицер называл инженером. Другой, юноша, почти мальчик, был мне незнаком. С некоторым облегчением я заметил, что он, к счастью, не убит, а только тяжело ранен. Затем гурьбой, весело переговариваясь, вернулись и остальные участники облавы. Они привели пленного со связанными руками, которого я тоже узнал, хотя теперь он был без очков. Победа была полная, никто из фермеров не пострадал. Я испытал большое моральное удовлетворение, видя, как эти простые люди, еще, казалось бы, разгоряченные боем, выказывают тем не менее несомненное душевное благородство, обращаясь с поверженным противником почти по-рыцарски. Раненому перевязали раны и довольно бережно уложили в кузов. Пленному хотя и не развязали рук, но дали напиток и сунули в рот сигарету. «Ну вот и сделали дело, – сказал мой друг шофер. – Теперь в округе поспокойнее станет». Я считал своим долгом сообщить, что инсургентов было по крайней мере пятеро. «Ничего, – ответил он. – Значит, двое ушли. Никуда они не денутся. Что в нашей округе, что в соседней – порядки одни. Перебьют или переловят». – «А этих вы куда отправите?» – спросил я. «Отвезем. Тут километрах в сорока есть марсианский пост. Там их всех принимают: и живых, и мертвых, каких доставишь». Я еще раз поблагодарил его, пожал ему руку, и он отправился к своему грузовику, сказавши остальным: «Поехали, что ли?» И тут пленного провели мимо меня, и он приостановился на секунду и взглянул мне прямо в лицо своими близорукими глазами. Может быть, мне это показалось. Теперь я надеюсь, что мне это показалось. Но в глазах его было нечто такое, отчего сердце мое упало. Бездарный мир! Нет, я не оправдываю этого человека. Он экстремист, он партизан, он убивал и должен быть наказан, но я же не слепой. Я отчетливо видел, что это благородный человек. Не чернорубашечник, не невежда, а человек с убеждениями. Впрочем, теперь я надеюсь, что я ошибся. Всю жизнь я страдаю оттого, что думаю о людях хорошо.

Грузовик покатила в одну сторону, я – в другую, и через час я был уже дома, разбитый до последней степени, измученный и больной. Замечу, кстати, что господин Никострат сидел в гостиной и Артемида угощала его чаем. Однако мне было не до них. Гермiona принялась хлопотать вокруг меня, расстелила постель, положила мне лед на сердце, и скоро я уснул, а когда проснулся ночью, то понял, что экзема у меня вновь обостряется. Это была ужасная мучительная ночь.

Температура плюс семнадцать градусов, облачность десять баллов, проливной дождь.

Да, они бунтовщики, люди вредные для всеобщего спокойствия. И все-таки я не могу не пожалеть их, насквозь промокших, грязных, загнанных, подобно зверям. И во имя чего? Что это – анархизм? Протест против несправедливости? Но против какой? Я их решительно не понимаю. Странно, сейчас я припоминаю, что при облаве не было ни автоматных очередей, ни разрывов гранат. Должно быть, у них кончились боеприпасы.

11 июня (полночь)

Гермиона хотела, чтобы я провел этот день в постели, но я не послушался ее и правильно сделал. В полдень я почувствовал себя достаточно хорошо и сразу после обеда решил выйти в город. Человек слаб. Не скрою, что мне не терпелось рассказать нашим о

страшных и трагических происшествиях, свидетелем которых я имел несчастье быть вчера. Правда, к обеду эти события рисовались мне уже не столько в трагическом, сколько в романтическом свете. Рассказ мой на «пяточке» имел огромный успех, меня забросали вопросами, и мое маленькое тщеславие было полностью удовлетворено. Забавно было глядеть на Полифема. (Он, кстати, теперь единственный член антимарсианской дружины, который все еще таскается с дробовиком.) Когда я передал нашим свою беседу с офицером-бунтовщиком, он немедленно возгордился, положив себя причастным к отчаянной и опасной деятельности инсургентов. Он дошел даже до того, что признал инсургентов смелыми ребятами, хотя и поступающими противозаконно. Что он этим хотел сказать – я не понял, да и никто не понял. Он заявил также, что на месте инсургентов показал бы «этому мужичью» почем фунт дыма, и тогда чуть не случилась драка, потому что брат Миртила был фермером и сам Миртил происходил из фермерской семьи. Я не люблю ссор, не выношу их, и, пока драчунов растаскивали, я пошел в мэрию.

Господин Никострат был со мной отменно любезен, участливо интересовался здоровьем и с большим сочувствием выслушал мой рассказ о вчерашнем приключении. Да и не только он – все служащие бросили текущие дела и собрались вокруг меня, так что успех был полным и здесь. Все согласилось, что я действовал мужественно и мое поведение делает мне честь. Пришлось пожать множество рук, а красотка Тиона попросила даже разрешения поцеловать меня, каковое разрешение я дал, конечно, с удовольствием. (Черт возьми, меня давно не целовали молоденькие девушки! Признаться, я даже забыл, насколько это приятно.) Насчет пенсии господин Никострат уверил меня, что все, вероятно, будет хорошо, и сообщил под большим секретом, будто вопрос о налогах теперь окончательно решен: начиная с июля налоги будут взиматься желудочным соком.

Эта наша увлекательная беседа была, к сожалению, прервана форменным скандалом. Дверь кабинета мэра вдруг распахнулась, на пороге появился господин Корибант и, стоя спиной к нам, принялся кричать на господина мэра, что он этого так не оставит, что это нарушение свободы слова, что это коррупция, что господину мэру следует помнить о печальной судьбе господина Лаомедонта и так далее. Господин мэр тоже говорил в повышенном тоне, но голос у него был потише, чем у господина Корибанта, и я так и не понял, что именно он говорил. Господин Корибант в конце концов удалился, с силой хлопнув дверью, и тогда господин Никострат объяснил мне, в чем дело. Оказывается, господин мэр оштрафовал и закрыл на неделю нашу газету за то, что господин Корибант в позавчерашнем номере опубликовал стихи, подписанные неким «икс-игрек-зет», в которых есть строчка: «А на далеком горизонте свирепый Марс горит пожаром». Господин Корибант отказывается подчиниться решению господина мэра, и вот уже второй день они ругаются то по телефону, то лично. Обсудив это происшествие, мы с господином Никостратом пришли к единому мнению, что обе стороны в этом споре по-своему правы и по-своему не правы. С одной стороны, взыскание, наложенное господином мэром на газету, чрезмерно жестоко, тем более, что стихотворение в целом абсолютно безобидно, поскольку рассказывает лишь о неразделенной любви автора к ночной фее. Но с другой стороны, ситуация такова, что не следует дразнить гусей – у господина мэра и без того хватает неприятностей – хотя бы с тем же самым Минотавром, который позавчера опять напился пьян и повредил своей вонючей цистерной марсианскую машину.

Вернувшись на «пяточок», я снова присоединился к нашим. Ссора Полифема с Миртилом была уже улажена, и беседа происходила в обычной атмосфере дружеской дискуссии. Не без удовольствия я отметил, что мой рассказ, по-видимому, направил умы собравшихся в определенное русло. Говорили об инсургентах, о боевых средствах, которыми располагают марсиане, и прочих подобных предметах.

Морфей рассказал, будто неподалеку от Милеса летательная машина марсиан, совершившая вынужденную посадку из-за не привычки пилота к повышенной силе тяжести, подвергшись нападению группы злоумышленников, перестреляла всех до единого специальными электрическими снарядами, после чего сама собою взорвалась, оставивши

огромную яму со стеклянными стенками. Весь Милес якобы ходит теперь смотреть эту яму.

Миртил со слов своего брата-фермера поведал нам о жуткой банде амазонок, которые нападают на марсиан и похищают их в видах получения от них потомства. Одноногий Полифем, со своей стороны, рассказал следующее. Вчера ночью, когда он нес патрульную службу на Парковой улице, к нему бесшумно подкрались четыре марсианские машины. Незнакомый голос на ломаном языке и с неприятным шипением осведомился у него, как проехать к трактиру, и хотя трактир не является объектом государственной важности, Полифем просто из гордости и презрения к завоевателям отказался ответить, так что марсиане поехали дальше не солоно хлебавши. Полифем уверял нас, что жизнь его при этом висела на волоске, он даже заметил якобы длинные черные стволы, направленные прямо на него, но в упорстве своем не колебался ни секунды.

«А тебе что, жалко было сказать? – спросил Миртил, не забывший еще оскорбление, нанесенное его семейству. – Знаю я таких сволочей. Приедешь, бывало, в незнакомое место, захочется тебе выпить, так нипочем не скажут, где трактир».

Дело опять чуть было не дошло до драки, но тут подошел Пандарей и, радостно улыбаясь, сообщил, что Минотавра, наконец, у нас из города забрали. Марсиане забрали. Подозревают минотавра в связях с террористами и в саботаже. Мы все возмутились: оставлять в самое жаркое время года город без ассенизатора – да это же преступление!

«Хватит! – орал одноногий Полифем. – Довольно терпеть проклятое иго! Патриоты, слушай мою команду! Ста-ановись!» Мы уже начали строиться, когда Пандарей всех успокоил, сказавши, что марсиане намерены в ближайшую неделю начать работы по прокладке канализации, а пока вместо Минотавра будет младший полицейский. Все сказали, что это другое дело, и вновь перешли к разговорам о террористах. И о том, что это все-таки свинство – устраивать засады.

Димант рассказал, вращая глазами, жуткую историю, что по городу третий день ходят какие-то люди и угощают встречных конфетами. «Съешь такую конфету – и брык! – готов». Надеются таким образом отравить всех марсиан. Мы, конечно, в эту историю не поверили, но стало как-то жутко.

Тут Калаид, который уже давно дергался и брызгал, вдруг ляпнул: «А в-в-вот у Аполлона у самого зять террорист». От меня сразу как-то отшатнулись, а Пандарей, выпятив челюсть веско заявил: «Это точно. Есть такие сведения и у нас».

Я возмутился до последней степени и заявил им всем, что, во-первых, тесть за зятя не отвечает; во-вторых, у самого Пандарея племянник в прошлом году сел на пять лет за развратные действия; в-третьих, с Хароном я всегда был на ножах, это любой может подтвердить, и в-четвертых, ничего такого я за Хароном не знаю – уехал человек в командировку, и ни слуху от него, ни духу. Это были неприятные минуты, но вздорность обвинения была настолько очевидна, что все кончилось благополучно, и разговор пошел о желудочном соке.

Оказывается, все наши уже второй день сдают желудочный сок и получают за него наличными. Один я в стороне. Всегда я каким-то непонятным образом оказываюсь в стороне от того, что мне выгодно. Есть на свете такие неустроенные люди: в казармах они вечно чистят сортиры, на фронте они попадают в «котлы», все неприятности они получают первыми, все блага они получают последними. Так вот я один из таких. Ну ладно. Все наши хвастались, как они теперь довольны. Еще бы не быть довольным!

Тут через площадь проехала марсианская машина, и одноногий Полифем задумчиво произнес: «А как вы полагаете, старички, если садануть ее сейчас из дробовика, пробьет или не пробьет?» – «Если, скажем, пуля, то, пожалуй, пробьет», – сказал Силен. «Это куда попадешь, – возразил Миртил. – Если в лоб или в корму, то нипочем не пробить». – «А если в борт?» – спросил Полифем. «Если в борт, то, пожалуй, пробьет», – ответил Миртил. Я хотел было сказать, что граната – и та не пробивает, но Пандарей меня опередил, сказавши глубокомысленно: «Нет, старички, зря вы спорите. Непробиваемы они». – «И в борт непробиваемы?» – ехидно спросил Морфей. «Полностью», – сказал Пандарей. «Что, и

пулей?» – спросил Миртил. «Да хоть из пушки стреляй», – сказал Пандарей с большой важностью. Тут все стали качать головами и похлопывать его по спине. «Да, Пан, – говорили они. – Это ты, Пандарей, того. Тут ты, старина Пандор, маху дал. Не подумал, старик, сболтнул». А желчный Парал немедленно подпустил шпильку, что вот ежели Пандарею пальнуть из пушки в корму, то вмятина, может быть, и останется, а вот если в лоб, то просто отскочит, и все. Ну, Пандарей раздулся, застегнул китель на все пуговицы, выкатил свои рачьи глаза и гаркнул: «Поговорили – все! Р-разойдись! Именем закона».

Не теряя времени, я отправился на донорский пункт. Конечно, тут меня опять ожидала неудача. Никакого сока у меня не взяли, и никаких денег я не получил. У них, оказывается, такой порядок, что сок сдавать надо обязательно натошак, а я всего два часа как пообедал. Выдали мне донорскую карточку и пригласили приходить завтра с утра. Впрочем, должен сказать, что донорский пункт вообще произвел на меня самое благоприятное впечатление. Оборудование новейшее. Зонд смазывается самыми лучшими сортами вазелина. Прием желудочного сока производится автоматически, но под наблюдением опытного врача, а не какого-нибудь громилы. Персонал исключительно вежлив и обходителен, сразу видно, что платят им неплохо. Все вокруг блестит чистотой, мебель новая. В ожидании очереди можно смотреть телевизор или читать свежие газеты. Да и какая очередь! Гораздо меньше и быстрее, чем в трактире. А деньги выдаются немедленно, прямо из автомата. Да, во всем чувствуется высокая культура, гуманность, забота о доноре. И подумать только, что каких-нибудь три дня назад этот дом был логовом такого человека, как господин Лаомедонт!

Однако мысль о зяте не оставляла меня, и я почувствовал необходимость обсудить эту новую досадную проблему с Ахиллесом. Я нашел его, как всегда, за кассой, рассматривающим свой «Космос». Рассказ о моих приключениях произвел на него огромное впечатление, и я почувствовал, что он смотрит теперь на меня совсем другими глазами. Но когда речь зашла о Хароне, он только пожал плечами и сказал, что образ моих действий и опасности, которым я подвергался, полностью реабилитируют не только меня, но, возможно, и самого Харона. Кроме того, он вообще сомневался, что Харон способен принимать участие в чем-либо предосудительном. Харон, заявил он, скорее всего находится сейчас в Марафинах и принимает деятельное участие в восстановлении порядка, стремясь при этом сделать что-нибудь полезное для родного города, как это и приличествует всякому культурному гражданину, а местные завистники, все эти Пандареи и Калаиды, способные лишь на безответственную болтовню, просто клеветают на него.

У меня были свои сомнения на этот счет, но я, естественно, промолчал и только подивился про себя, насколько мы, жители небольшого, в сущности, городка, плохо знаем друг друга. Я понял, что напрасно заговорил с Ахиллесом на эту тему и, сделав вид, будто его рассуждения меня вполне успокоили, перевел разговор на марки. И вот тут-то и случилось это удивительное происшествие.

Помнится, вначале я говорил несколько принужденно, потому что основной моей целью было все-таки отвлечь Ахиллеса от разговора о Хароне. Но получилось так, что речь пошла об этой сакраментальной перевернутой литографической надпечатке. В свое время я изложил Ахиллесу совершенно неопровержимые доводы в пользу того, что это фальшивка, и вопрос, казалось, был исчерпан. Однако накануне Ахиллес прочел какую-то книжонку и возомнил себя способным выдвигать свои собственные суждения. В наших отношениях это нечто небывалое. Естественно, я вышел из себя, рассердился и прямо сказал, что Ахиллес ничего не понимает в филателии, что еще год назад он не видел разницы между климшташем и кляссером и не случайно коллекция его битком набита бракованными экземплярами. Ахиллес тоже вспыхнул, и у нас началась самозабвенная перебранка, на которую я способен только с Ахиллесом и только по поводу марок.

Я словно бы в тумане сознавал тогда, что во время спора кто-то как будто входил в аптеку, протягивал Ахиллесу через мое плечо какую-то бумагу, и Ахиллес на секунду замолчал, чем я немедленно воспользовался, чтобы вклиниться в его некомпетентные рассуждения. Затем мне запомнилось досадное ощущение помехи, что-то постороннее все

время назойливо вступало в сознание, мешая мне мыслить последовательно и логично. Однако потом это прошло, и следующим этапом этого любопытнейшего с психологической точки зрения происшествия был тот момент, когда спор наш закончился и мы замолчали, усталые и несколько обиженные друг на друга.

Помнится, что именно в этот момент я вдруг ощутил непреодолимую потребность оглядеть помещение и испытал смутное удивление, не обнаружив никаких особенных перемен. Между тем я отчетливо сознавал, что какое-то изменение за время нашего спора должно было произойти. Тут же я заметил, что Ахиллес тоже находится в состоянии некоторой душевной неудовлетворенности. Он тоже озирался, а потом прошелся вдоль прилавка, заглядывая под него. Наконец он спросил: «Скажи, пожалуйста, Феб, сюда никто не приходил?» Определенно его мучило то же самое, что меня. Его вопрос поставил все точки над «и», я понял, к чему относилось мое недоумение.

«Синяя рука!» – воскликнул я, озаренный неожиданно ярким воспоминанием. Словно наяву я увидел перед своим лицом синие пальцы, сжимающие листок бумаги. «Нет, не рука! – горячо сказал Ахиллес. – Щупальце! Как у осьминога!» – «Но я отчетливо помню пальцы...» – «Щупальце, как у спрута!» – повторил Ахиллес, лихорадочно озираясь. Потом он схватил с прилавка книгу рецептов и торопливо перелистал ее. Все во мне зашло от томительного предчувствия. Держа в руке листок бумаги, он медленно поднял на меня широко раскрытые глаза, и я уже знал, что он сейчас скажет.

«Феб, – произнес он придушенным голосом. – Это был марсианин». Оба мы были потрясены, и Ахиллес, как человек, близкий к медицине, счел необходимым подкрепить меня и себя коньяком, бутылку которого он достал из большого картонного ящика с надписью «Норсульфазолум». Да, пока мы здесь спорили об этой злосчастной надпечатке, в аптеку зашел марсианин, вручил Ахиллесу письменное распоряжение сдать предъявителю сего все лекарственные препараты, содержащие наркотики, и Ахиллес, ничего не помня и не понимая, передал ему приготовленный пакет с этими лекарствами, после чего марсианин удалился, не оставив в нашей памяти ничего, кроме отрывочных воспоминаний и смутного образа, запечатленного краем глаза.

Я отчетливо помнил синюю руку, покрытую короткими редкими волосиками, и мясистые пальцы без ногтей, и я поражался, как подобное зрелище не вышибло мгновенно из моей головы всякую способность вести отвлеченные споры.

Ахиллес никакой руки не помнил, но зато он помнил длинное, непрерывно пульсирующее щупальце, протянувшееся к нему как бы из ничего. Кроме того, он помнил, что вид этого щупальца привел его в сильное раздражение, ибо оно показалось ему ни с чем не сообразной шуткой. Помнил он и то, как в сердцах швырнул на прилавок, не глядя, сверток с лекарствами, зато он абсолютно не помнил, читал ли он предписание и клал ли его в регистрационную книгу, хотя очевидно было, что читал (раз выдал лекарства) и клал (раз оно там оказалось).

Мы выпили еще по рюмке коньяку и Ахиллес припомнил, что марсианин стоял слева от меня и что на нем был модный свитер с вырезами, и мне вспомнилось, что на одном из синих пальцев было блестящее кольцо белого металла с драгоценным камнем. Кроме того, я вспомнил шум автомобиля. Ахиллес потер лоб и заявил, что вид предписания напоминает ему ощущение недовольства, которое вызывалось у него как бы чьими-то попытками, до неприличия назойливыми, вторгнуться в наш с ним спор с какой-то совершенно нелепой точкой зрения на филателию вообще и на перевернутые надпечатки в особенности.

Тогда я и припомнил, что точно, марсианин говорил и голос у него был пронзительный и неприятный. «Скорее низкий и снисходительный», – возразил Ахиллес. Однако, я настаивал на своем, и Ахиллес, вновь разгорячившись, вызвал из лаборатории младшего провизора и спросил его, какие звуки он слышал на протяжении последнего часа. Младший провизор, на редкость недалекий юнец, заморгал своими глупыми глазами и промямлил, что слышал все время только наши голоса, а один раз будто бы где-то включили радио, но он не обратил на это особого внимания. Мы отослали провизора и выпили еще по капельке

коньяку. Память наша прояснилась окончательно, и, хотя мы по-прежнему расходились в мнении относительно внешности марсианина, мы однако же полностью сошлись в воспроизведении последовательности имевших место фактов. Марсианин, несомненно, подъехал к аптеке на машине, не выключая двигателя, вошел в помещение, остановился слева от меня, чуть сзади, и некоторое время стоял неподвижно, рассматривая нас и прислушиваясь к нашему разговору. (Мороз прошел по коже, когда я осознал свою полную незащищенность в этот страшный момент.) Затем он сделал нам несколько замечаний, по-видимому, относительно филателии и, по-видимому, совершенно некомпетентных, а потом протянул Ахиллесу предписание, которое Ахиллес взял, бегло просмотрел и сунул в регистрационную книгу. Далее Ахиллес, все еще будучи вне себя от этой помехи, выдал сверток с лекарствами, и марсианин ушел, поняв, что мы не желаем принимать его в разговор. Таким образом, отвлекаясь от деталей, возникал образ существа, хотя и плохо разбирающегося в вопросах филателии, но в общем не лишённого правильного воспитания и определенной гуманности, если принять во внимание, что в то время он мог сделать с нами все, что ему было бы угодно. Мы выпили еще по рюмке коньяку и почувствовали себя не в силах оставаться здесь и держать наших в неизвестности относительно этого происшествия. Ахиллес спрятал бутылку, передал дежурство младшему провизору, и мы быстрым шагом направились в трактир.

Рассказ о визите марсианина был воспринят нашими по-разному. Одноногий Полифем откровенно счел его враньем. «Вы понюхайте, чем от них разит, – сказал он. – Нализались до синих чертей». Рассудительный Силен предположил, что это был все-таки не марсианин, а какой-нибудь негр – у негров иногда встречается синеватый оттенок кожи. Ну, а Парал остался Паралом. «Хорош аптекарь у нас, – желчно сказал он. – Приходит неизвестно кто, неизвестно откуда, подсовывает ему неизвестно какую бумажку, и тот отдает ему без звука. Нет, с такими аптекарями мы разумного общества не построим. Что это за аптекарь, который из-за своих паршивых марок не ведает, что творит?» Но зато все остальные были на нашей стороне, весь трактир собрался вокруг нас, даже золотая молодежь во главе с господином Никостратом отвалилась от бара послушать. Нас заставляли повторять снова и снова, где стоял я и где стоял марсианин, как он протягивал свою конечность и так далее. Очень скоро я заметил, что Ахиллес начинает украшать рассказ новыми деталями, как правило потрясающими. (Вроде того, что когда марсианин молчал, у него мигали только два глаза, как у нас, а когда открывал рот, открывались еще дополнительные глаза, один красный, другой белый.) Я тут же сделал ему замечание, но он возразил, что коньяк и бренди удивительным образом действуют на человеческую память, это, дескать, медицинский факт. Я решил с ним не спорить, попросил Япета подать мне ужин и, внутренне усмехаясь, стал наблюдать, как Ахиллес уверенно компрометирует себя. Через каких-нибудь десять минут все поняли, что Ахиллес окончательно заврался, и перестали обращать на него внимание. Золотая молодежь вернулась к стойке бара, и скоро оттуда послышалось обычное: «Надоело... Скучища у нас тут. Марсиане? Ерунда, плешь... Чего бы нам отколоть, орлы?» За нашим столиком возобновился старый спор о желудочном соке. Что это такое, куда он годится, для чего он марсианам и для чего он нам самим. Ахиллес объяснил, что человеку желудочный сок нужен для переваривания пищи, пищу переваривать без него было бы невозможно. Но авторитет его был уже подорван, и никто ему не поверил. «Ты бы заткнулся, старая клизма, – сказал ему Полифем. – Чего там – невозможно. Третий день сдаю этот сок, и ничего, перевариваю. Тебе бы так переваривать».

С горя обратились за консультацией к Калаиду, но это, естественно, ничем не кончилось. Калаид после долгих судорог, за которыми в томительном ожидании следил весь трактир, выпалил только: «Ж-ж-жандарм в тридцать лет уже старик, если хочешь знать». Слова эти имели касательство к какому-то полузабытому разговору, происходившему еще на «пяточке» и до обеда, и вообще предназначались не нам, а Пандарею, который уже давным-давно ушел на дежурство. Мы оставили Калаида рожать ответ на наш вопрос, а сами пустились в спекуляции. Силен предположил, что цивилизация Марса зашла в тупик в

физиологическом отношении, собственный сок они уже вырабатывать не могут и им приходится осваивать другие источники. Япет подал голос из-за стойки, заявив, что марсиане используют желудочный сок в качестве бродила для производства особого вида энергии. «Вроде атомной», – добавил он, подумав. А дурак Димант, никогда не отличавшийся смелым полетом фантазии, заявил, что человеческий желудочный сок для марсиан все равно, что для нас коньяк или пиво, скажем, можжевельная водка, и этим заявлением испортил аппетит всем, кто в тот момент закусывал. Кто-то предположил, что марсиане добывают из желудочного сока золото или редкие металлы, и это явно безграмотное предположение натолкнуло Морфея на очень верную мысль. «Старички, – сказал он. – А ведь в самом деле, золото они из него добывают или энергию, а надо понимать, что наш желудочный сок для марсиан – вещь очень важная. Не одурачили бы они нас, а?» Сначала его никто не понял, но потом до нас дошло, что настоящей цены на желудочный сок никто ведь не знает и что это за цена, которую назначили марсиане, – неизвестно. Вполне возможно, что марсиане, люди, надо думать, практичные, выгоняют из этого предприятия непропорционально большой доход, пользуясь нашим невежеством. «Скупают у нас по дешевке, – взбеленился одноногий Полифем, – а потом, стервецы, загоняют на какую-нибудь комету по настоящей цене!» Я рискнул поправить его, что не на комету все-таки, а на планету, на что он с присущей ему грубостью предложил мне сначала залечить глаз, а потом уже вступать в споры. Но дело не в этом.

Всех нас предположение Морфея встревожило, и могла бы получиться очень содержательная и полезная беседа, но тут в трактир ввалился Миртил со своим братом-фермером, оба пьяные до последней степени. Выяснилось, что брат Миртила вот уже несколько дней производил опыты по перегонке барды из синего хлеба и что сегодня эти опыты, наконец, увенчались успехом. На стол были водружены две порядочные фляги синего первача. Все тут же отвлеклись и стали пробовать, и, надо сказать, «синюховка» произвела на нас большое впечатление. Миртил себе на горе пригласил к столу Япета, чтобы тот тоже попробовал. Япет выпил два стаканчика, постоял, закрыв левый глаз, словно бы размышляя, а затем вдруг сказал: «А ну, валите отсюда, чтобы я вас тут не видел». Сказано это было таким тоном, что Миртил, не говоря ни слова, подхватил опустевшие фляги и своего задремавшего братца и торопливо удалился. Япет оглядел нас тяжелым взглядом и, произнеся: «Взяли манеру – в мое заведение со своим пойлом приходите», – вернулся за стойку. Чтобы сгладить неловкость, мы все заказали по выпивке, но прежняя непринужденность уже исчезла. Посидев еще полчаса, я отправился домой.

В гостиной господин Никострат, заняв кресло Харона, сидел напротив Артемиды и пил чай с вареньем. Я не стал вмешиваться в это дело. Во-первых, Харон, по-видимому, уже отрезанный ломоть, и неизвестно, вернется ли он вообще, а во-вторых, где-то неподалеку находилась Гермiona, а от меня так разлило спиртным, что я даже сам это чувствовал. Поэтому я предпочел тихонько проскользнуть в свою комнату, не обращая на себя ничего внимания. Я переделся и просмотрел газеты. Просто удивительно! Шестнадцать полос, и ничего существенного. Словно вату жуешь. Опубликована пресс-конференция президента. Два раза ее прочитал и ничего не понял – сплошной желудочный сок.

Пойду посмотрю, как там Гермiona.

12 июня

Температура плюс двадцать градусов, облачность ноль баллов, ветра нет. От этой синюховки отвратительная отрыжка. Разыгралась мигрень, весь день сидел дома. Появилась гастрономическая новинка – синий хлеб. Гермiona хвалит, Артемиде тоже понравилось, а я вот ел без всякого аппетита. Хлеб как хлеб, только синий.

13 июня

Наконец-то летняя погода, кажется, установилась. Температура плюс двадцать два, облачно...

Ну и дела! Не знаю даже с чего и начинать. Насчет пенсии ничего не известно, но в конце концов речь сейчас не об этом. Только это я начал сегодняшнюю запись, как вдруг слышу – подъезжает машина. Я было подумал, что это Миртил привез с фермы обещанную четверть синюховки, и выглянул посмотреть. И как раз вовремя выглянул. Сначала я увидел, что под фонарем стоит незнакомый легковой автомобиль, очень роскошный, а потом заметил, что по саду, прямо к скамеечке, где устроились с вечера Артемиды с господином Никостратом, решительным шагом направляется Харон. Я глазом моргнуть не успел, как господин Никострат кубарем вылетел за ограду. Вслед ему Харон с силой сверхчеловеческой запустил тросточку и шляпу, но господин Никострат не остановился, чтобы подобрать их, а только ускорил бег. Затем Харон занялся Артемидой. Мне было плохо видно, что между ними происходило, но у меня такое впечатление, что вначале Артемиды попыталась упасть в обморок, однако, когда Харон залепил ей оплеуху, отказалась от своего намерения и решила показать свой знаменитый характер. Она испустила протяжный, неприятный для слуха визг и полоснула Харона ногтями по физиономии. Повторяю, всего этого я не видел. Но когда спустя несколько минут я выглянул в гостиную, Харон, как тигр в клетке, расхаживал из угла в угол, заложив руки за спину, и на носу у него багровела свежая царапина. Артемиды же деловито собирала на стол, и я заметил, что лицо ее выглядит несколько асимметрично. Я не выношу семейных сцен, у меня от них все слабеет внутри и хочется уйти куда-нибудь и ничего не видеть и не слышать. Однако Харон заметил меня прежде, чем я успел скрыться, и противу всяких ожиданий поздоровался со мною так приветливо и тепло, что я счел необходимым войти в гостиную и завязать с ним беседу.

Прежде всего я был приятно поражен тем обстоятельством, что Харон выглядел совсем не так, как я ожидал. Это был совсем не тот заросший и ободранный бродяга, который бряцал здесь оружием и бранился неделю назад. Собственно, я ожидал, что он будет еще более ободран и грязен. Однако передо мною сидел прежний Харон мирного времени, гладко выбритый, хорошо причесанный, элегантно и со вкусом одетый. Только багровая царапина на носу несколько портила общее впечатление, да цвет лица, непривычно смуглый, свидетельствовал о том, что последние дни этому кабинетному работнику пришлось много бывать под открытым небом.

Пришла Гермiona в бигуди, извинилась за свой вид и тоже присела за стол, и вот мы сидим, как встарь, вчетвером, единой мирной семьей. До тех пор пока женщины не удалились, убрав со стола посуду, разговор вертелся вокруг общих тем: о погоде, о здоровье, о том, кто как выглядит. Но когда мы остались одни, Харон закурил сигару и сказал, странно глядя на меня: «Ну что, отец, проиграно наше дело?» В ответ я только пожал плечами, хотя мне очень хотелось сказать, что если чье-нибудь дело и проиграно, то, во всяком случае, не наше. Впрочем, Харон, по-моему, и не ожидал ответа. При женщинах он сдерживался, и только сейчас я заметил, что он находится в состоянии почти болезненного возбуждения, в том самом состоянии, когда человек способен переходить от нервного смеха к нервному плачу, когда внутри у него все кипит и он испытывает неодолимую потребность излить это кипение в словах и поэтому говорит, говорит, говорит. И Харон говорил.

У людей больше нет будущего, говорил он. Человек перестал быть венцом природы. Отныне и присно и во веки веков человек будет рядовым явлением природы, как дерево или лошадь, и не больше. Культура и вообще весь прогресс потеряли всяческий смысл. Человечество больше не нуждается в саморазвитии, его будут развивать извне, а для этого не нужны школы, не нужны институты и лаборатории, не нужна общественная мысль, философия, литература – словом, не нужно все то, что отличало человека от скота и что называлось до сих пор цивилизацией. Как фабрика желудочного сока, сказал он, Альберт Эйнштейн ничем не лучше Пандарей и даже наверняка хуже, потому что Пандарей отличается редкостной прожорливостью. Не в громе космической катастрофы, не в пламени атомной войны и даже не в тисках перенаселения, а в сытой, спокойной тишине кончается,

видите ли, история человечества. «Подумать только, – с надрывом проговорил он, уронив голову на руки, – не баллистические ракеты, а всего-навсего горсть медяков за стакан желудочного сока погубили цивилизацию...»

Он говорил, конечно, гораздо больше и гораздо эффектнее, но я плохо воспринимаю абстрактные рассуждения и запомнил только то, что запомнил. Признаться, вначале ему удалось нагнать на меня тоску. Однако я довольно быстро понял, что все это попросту истерические словоизлияния образованного человека, пережившего крушение своих личных идеалов. И я ощутил потребность возразить ему. Не потому, конечно, что надеялся переубедить его, а потому, что его рассуждения глубоко задели меня, показались мне выпенными и нескромными, и, кроме того, мне хотелось отделаться от того тягостного впечатления, которое произвели на меня его lamentации.

«У вас была слишком легкая жизнь, сын мой, – сказал я прямо. – Вы заелись. Вы ничего не знаете о жизни. Сразу видно, что вас никогда не били по зубам, что вы не мерзли в окопах и не грузили бревна в плену. У вас всегда было что кушать и чем платить. Вот вы и привыкли смотреть на мир глазами небожителя, эдакого сверхчеловека. Экая жалость – цивилизацию продали за горсть медяков! Да скажите спасибо, что вам за нее дают эти медяки! Вам они, конечно, ни к чему. А вдове, которая одна поднимает троих детей, которая должна их выкормить, вырастить, выучить? А Полифему, калеке, получающему грошовую пенсию? А фермеру? Что вы предложили фермеру? Сомнительные социальные идейки? Книжечки-брошюрочки? Эстетскую вашу философию? Да фермер плевал на все это! Ему нужна одежда, машины, нужна уверенность в завтрашнем дне! Ему нужно иметь постоянную возможность взрастить урожай и получить за него хорошую цену! Вы смогли ему это дать? Вы, со всей вашей цивилизацией! Да никто за десять тысяч лет не смог ему это дать, а марсиане дали! Что же теперь удивляться, что фермеры травят вас, как диких зверей? Вы никому не нужны с вашими разговорами, с вашими абстрактными проповедями, легко переходящими в автоматную стрельбу. Вы не нужны фермеру, вы не нужны горожанину, вы не нужны марсианам. Я уверен даже, что вы не нужны большинству разумных образованных людей. Вы воображаете себя цветом цивилизации, а на самом деле вы плесень, взросшая на соках ее. Вы возомнили о себе и теперь воображаете, будто ваша гибель – это гибель всего человечества».

Мне показалось, что я буквально убил его своей речью. Он сидел, закрыв лицо руками, он весь трясся, он был так жалок, что сердце мое облилось кровью.

«Харон, – сказал я по возможности мягко, – мальчик мой! Постарайтесь хоть на минуту спуститься из облачных сфер на грешную землю. Постарайтесь понять, что человеку больше всего на свете нужны покой и уверенность в завтрашнем дне. Ведь ничего же страшного не случилось. Вот вы говорите, что человек превратился теперь в фабрику желудочного сока. Это громкие слова, Харон. На самом-то деле произошло нечто обратное. Человек, попавши в новые условия существования, нашел превосходный способ использования своих физиологических ресурсов для упрочения своего положения в этом мире. Вы называете это рабством, а всякий разумный человек полагает это обыкновенной торговой сделкой, которая должна быть взаимовыгодной. О каком рабстве может идти речь, если разумный человек уже сейчас прикидывает, не обманывают ли его, и если его действительно обманывают, то, уверяю вас, он сумеет добиться справедливости. Вы говорите о конце культуры и цивилизации, но это уж вовсе неправда! Непонятно даже, что вы имеете в виду. Газеты выходят ежедневно, выпускаются новые книги, сочиняются новые телеспектакли, работает промышленность... Харон! Ну чего вам недостает? Вам оставили все, что у вас было: свободу слова, самоуправление, конституцию. Мало того, вас защитили от господина Лаомедонта! И вам, наконец, дали постоянный и верный источник доходов, который совершенно не зависит ни от какой конъюнктуры».

На этом я остановился, потому что обнаружил, что Харон вовсе не убит и не рыдает, как мне показалось, а хихикает самым неприличным образом. Я почувствовал себя в высшей степени оскорбленным, но тут Харон сказал:

«Извините меня, ради бога, я не хотел вас обидеть. Мне просто вспомнилась одна забавная история». Оказывается, два дня назад Харон во главе группы инсургентов из пяти человек захватил марсианскую машину. Каково же было их изумление, когда из машины выбрался им навстречу совершенно трезвый Минотавр с портативным аппаратом для отсасывания желудочного сока. «Что, ребята, выпить захотелось? – спросил он. – Давайте, это я вам сейчас устрою. Кто первый?» Инсургенты даже растерялись. Придя в себя, они без всякого удовольствия накололи Минотавру по шее за предательство и отпустили его вместе с машиной. Они-то собирались захватить машину, освоиться с управлением, затем проникнуть в ней на марсианский пост и устроить там побоище, но этот эпизод так на них подействовал, что им стало не все наплевать. Вечером того же дня двое из них ушли по домам, а на другое утро остальных захватили фермеры. Я не совсем понял, какое отношение имеет эта история к предмету нашей беседы, но меня поразила мысль о том, что Харон, следовательно, побывал в плену у марсиан.

«Да, – ответил он на мой вопрос, – поэтому я и смеялся. Марсиане мне говорили точь-в-точь то же самое, что и вы. Правда, несколько более связно. И особенно они напирала на то, что я элита общества, что они испытывают ко мне глубокое уважение и не понимают, почему это я и мне подобные занимают террористическими актами вместо того, чтобы создать разумную оппозицию. Они предлагают нам бороться с ними легальными средствами, гарантируют полную свободу печати и собраний. Славные ребята – марсиане, верно?»

Что я мог ему ответить? Особенно, когда выяснилось, что обращались с ним превосходно, умыли его, одели, подлечили, дали ему автомобиль, конфискованный у какого-то содержателя опиумокурильни, и отпустили с миром.

«У меня нет слов», – сказал я, разведя руки. «У меня тоже, – отозвался Харон, снова помрачнев. – У меня, к сожалению, тоже пока нет слов, а их надо найти. Грош нам всем цена, если мы их не найдем». После этого он вдруг совершенно неожиданно пожелал мне спокойной ночи и ушел к себе, а я остался сидеть как дурак, охваченный неприятными предчувствиями. Ох, будут у нас еще хлопоты с Хароном! Ох будут! И что за отвратительная манера уходить, не окончив спора? Уже первый час ночи, а сна ни в одном глазу.

Кстати, сегодня в первый раз сдавал желудочный сок. Ничего страшного, только глотать неприятно, но говорят, что к этому быстро привыкаешь. Если сдавать ежедневно по двести граммов, то это составит сто пятьдесят в месяц. Однако!

14 июня

Температура плюс двадцать два, облачность ноль баллов, ветра нет. Вышли, наконец, новые марки. Боже мой, какая прелесть! Я купил весь выпуск в квартблоках, а потом не удержался и купил полные листы. Хватит экономить. Теперь я могу кое-что себе позволить. Ходили с Гермией сдавать желудочный сок, в дальнейшем буду ходить один. Есть слух, будто пришел циркуляр министерства образования, подтверждающий прежнее положение о пенсиях, однако подробностей узнать мне не удалось. Господин Никострат не вышел на службу – прислал младшего брата сказать, что простудился и гриппует. Поговаривают, однако, что вовсе не гриппует, а неосторожно где-то упал и получил внутренние повреждения. Ай да Харон! Артемида ходит тише воды, ниже травы.

Да, совсем забыл. Заглянул я сегодня в гостиную и вижу: сидит Харон, а с ним какой-то приятный господин в больших очках. Я узнал его и буквально окаменел. Это был тот самый инсургент, которого на моих глазах захватили фермеры. Он тоже меня узнал и тоже окаменел. Некоторое время мы смотрели друг на друга, потом я опомнился и, поклонившись, вышел. Не знаю, что он там обо мне говорил Харону. Впрочем, он скоро удалился. Я прямо утверждаю: мне это не нравится. Если они будут заниматься легальной борьбой, как им официально предложили, всякими там митингами, брошюрками, газетами, – тогда, пожалуйста. Но если я еще хоть раз увижу в своем доме автоматы и прочее железо, тогда уж прошу прощения, дорогой зять. Здесь наши дорожки разойдутся. Хватит с меня.

Чтобы успокоиться, перечитал сейчас вчерашнюю запись своей беседы с Хароном. По-моему, логика моя безукоризненна. Он так ничего и не сумел возразить. Жалко только, что записал я гораздо более связно и убедительно, чем говорил. Говорить я совершенно не умею, это мое слабое место.

В утренних газетах было интересное сообщение о всеобщей демобилизации и полной демилитаризации страны. Слава богу, наконец-то додумались! Надо понимать, что марсиане взяли дело обороны целиком в свои руки, и нам теперь эта оборона не будет стоить ни гроша, если не считать, конечно, желудочного сока. В речи президента об этом прямо ничего не сказано, но это читается между строк. Бывшие военные расходы, сказал он, направляются на повышение благосостояния и на развитие судостроения, предстоят определенные трудности, связанные с сокращением военной промышленности, однако это явление чисто временное. И еще он подчеркнул несколько раз, что никто от реорганизации не пострадает. Я понимаю это так, что военные промышленники и генералы получают хороший куш. Богатый народ эти марсиане! А демобилизация уже началась. Парал распространяет слухи, что и полиция тоже будет упразднена. Пандарей хотел его засадить, но мы не позволили. Слухи, конечно, это только слухи, но на месте Пандарей я был вел себя сейчас осторожнее.

Нет, не хочется мне сегодня ничего записывать. Возьму-ка я сейчас свою вчерашнюю речь перед Хароном и перепишу ее начисто. Хорошая речь.

15 июня

Утро выдалось на редкость чистое и ясное. (Температура плюс двадцать один, облачность ноль баллов, ветра нет). Как приятно встать рано утром, когда солнце уже разогнало утренний туман, но воздух еще свеж и прохладен и хранит в себе ночные ароматы. Мельчайшие капли росы мириадами радуг дрожат и переливаются подобно драгоценным камням на каждой травинке, на каждом листочке, на каждой паутинке, которую хлопотливый паучок протянул за ночь от своего домика к колыхающейся веточке. Нет, с художественной прозой у меня получается не так хорошо. С одной стороны вроде бы все правильно, на месте, красиво, но все-таки как-то... Не знаю, что-то не то. Ну, ладно.

Второй день подряд мы все отличаемся отменным аппетитом. Говорят, все дело в синем хлебе. Действительно, это удивительный продукт. Прежде я никогда не ел хлеба вне бутербродов и вообще мало ел хлеба, теперь же я буквально им объедаюсь. Он тает во рту, как пирожное, и совершенно не обременяет желудка. Даже Артемида, которая всегда заботилась о сохранении фигуры гораздо больше, чем о сохранении семьи, не может теперь удержаться и ест так, как надлежит есть молодой, здоровой женщине ее возраста. Харон тоже ест и похваливает. На мои не лишние язвительности намеки он отвечает только: «Одно другому не мешает, отец. Одно другому не мешает».

После завтрака я направился в мэрию и пришел как раз к началу присутствия. наших на «пяточке» еще не было. Господин Никострат выглядит неважно. При каждом движении он морщится, хватается за бок и время от времени тихонько постанывает. Разговаривает он болезненным шепотом, на ногти же свои не обращает никакого внимания. За все время нашей беседы он ни разу не посмотрел на меня, но разговаривал вежливо, учтиво и без малейшей примеси обычной своей иронии. Действительно, получен циркуляр, подтверждающий прежнее положение о пенсионном обеспечении. Мои бумаги, вероятно, уже у министра. Надо думать, все обойдется благополучно и я получу первый разряд, однако не помешало бы попросить господина мэра направить министру особое письмо, в котором подтверждалось бы мое личное участие в вооруженной борьбе против инсургентов. Эта мысль мне очень понравилась, и мы с господином Никостратом договорились, что черновик такого донесения составлю я, а он его отредактирует и представит господину мэру на рассмотрение.

А тем временем на «пяточке» уже собрались наши. Последним подошел Морфей, и мы его оштрафовали. Довольно либерализма, мы последнее время совсем запустили клубные

дела. Всех страшно интересовал один вопрос: кончилось ли дело между Хароном и господином Никостратом. Меня заставили самым подробным образом описать все, что я видел, и некоторое время одноногий Полифем с Силеном спорили, что именно может быть повреждено у господина Никострата. Как человек бывалый и унтер-офицер, Полифем утверждал, что при такой схватке у господина секретаря должен быть поврежден копчик, потому что только точно нацеленный удар носком сапога в соответствующее место мог вызвать описанный мною способ оставления господином Никостратом поля боя. Силен же, как человек не менее бывалый и бывший юрист, возражал, что точной такой же эффект проистекает вследствие хорошо нацеленного удара по корпусу, а если принять во внимание позы, которые господин Никострат принимает теперь при ходьбе, то неизбежно заключение, что у него повреждено ребро с левой стороны: либо трещина, либо, может быть, даже перелом. Оба, впрочем, сошлись во мнении, что до конца дела еще далеко и что господин Никострат, человек молодой, горячий и спортивный, не преминет встретить Харона в каком-нибудь темном уголке в компании своих приятелей.

Меня расспрашивали также, продолжает ли Артемида питать благосклонность к господину Никострату, и когда я решительно отказался отвечать на этот бестактный вопрос, заключили почти единогласно, что, конечно же, да, продолжает. «Женщина есть женщина, – сказал желчный Парал. – Женщине всегда мало одного мужчины, это лежит в ее биологической природе». Я окончательно рассердился и заметил, что такое свойство женщин лежит скорее в биологической природе некоторых мужчин, вроде Парала, и все нашли мою шутку очень остроумной, поскольку все недолго любили Парала за его желчность, а во-вторых, вспомнили, что в свое время, еще до войны, от него убежала с коммивояжером молодая жена. Возникла весьма благоприятная ситуация, чтобы поставить, наконец, Парала с его вечными квази-философскими сентенциями на место.

Уже Морфей, придумавший новую остроту, заранее давясь от смеха, хватал всех за руки и кричал: «Нет, вы послушайте, что я скажу!», но тут, как всегда не ко времени, приперся этот старый осел Пандарей и, не разобравшись в предмете разговора, объявил своим громовым голосом, что нынче к нам из-за границы пришла такая мода – жить втроем, вчетвером с одной женщиной, как это водится между кошками. Ну что тут будешь делать! Остается только руками развести. Парал немедленно ухватился за это высказывание и моментально перевел разговор на личность Пандарея. «Да, пан, – сказал он. – Ты сегодня в ударе, старик, такого я не слыхивал даже от своего младшего зятя – майора». Второго зятя Парала знали далеко за пределами города, удержаться было невозможно, и все мы так и покатались со смеху, а Парал еще добавил со скорбным видом: «Нет, старички, зря мы все-таки демилитаризируемся. Нам, старички, надо было бы лучше деполицизироваться или, на худой конец, депандарейзироваться». Пандарей немедленно раздулся, как рыба-шар, застегнул китель на все пуговицы и гаркнул: «Поговорили – все!...»

Идти на донорский пункт было еще рано, и я направился к Ахиллесу. Я прочел ему свою переписанную начисто речь перед Хароном. Он слушал меня, раскрыв рот. Успех был полный. Вот его точные слова, когда я закончил чтение: «Это написал настоящий трибун, Феб! Где ты это взял?» Я немножко поломался для пущего эффекта, а потом объяснил, как было дело. Но он не поверил! Он объявил, что отставному учителю астрономии просто не под силу столь точно сформулировать мысли и чаяния простого народа. «Это под силу только великим писателям, – говорил он, – или великим политическим деятелям. А я что-то не вижу у нас в стране, – говорил он, – ни великих писателей, ни великих политических деятелей».

«Феб, ты украл его у марсиан, – сказал он. – Признайся, старина, я никому не скажу». Я был в растерянности. Его недоверие одновременно и льстило мне и вызывало во мне досаду. А тут еще он вдруг показывает мне запечатанный конверт из плотной черной бумаги. «Что это?» – спрашиваю я с нарочитой небрежностью, в то время как сердце мое уже почуяло беду и заныло от дурных предчувствий. «Марки, – говорит этот гордец. – Настоящие. Оттуда!» Не помню, как я справился с собой. Словно в тумане, слушал я его восторги,

выражаемые деланно-сочувственным тоном. А он вертел конверт перед моим носом и все рассказывал мне, какая это редкость, до какой степени невозможно их нигде достать, какие баснословные суммы предлагал ему уже за них сам Хтоний и как ловко поступил он, Ахиллес, потребовав компенсации за изъятые лекарства не деньгами, а марками. Суммы, которые он небрежно называл, привели меня в полнейшее смятение. Оказывается рыночные цены на марсианские марки так высоки, что никакая пенсия первого класса и никакой желудочный сок не способны что-либо изменить в моем положении. Но в конце концов я опомнился, меня осенило, и я попросил Ахиллеса показать мне эти марки. И все стало ясно. Этот хитрец замылся, растерялся и принялся лепетать что-то о том, будто эти марки, будучи марсианскими, боятся света подобно фотографической бумаге, что рассматривать их можно только при специальном освещении, а здесь, в аптеке, соответствующего оборудования у него нет. Я приободрился и попросил разрешения заглянуть к нему вечером домой. Без всякой живости он пригласил меня, сказавши, что, честно говоря, дома у него пока тоже нет специального оборудования, но к завтрашнему вечеру он постарается что-нибудь придумать. Вот в это я верю. Он наверняка что-нибудь придумает. Наверняка окажется, что эти марки растворяются в воздухе или что вообще смотреть на них нельзя, а можно только щупать руками.

В разгар нашей беседы я вдруг услышал чье-то дыхание над своим левым ухом и краем глаза уловил некое движение рядом с собой. Я сразу вспомнил таинственное посещение и резко обернулся, но это оказалась прислуга мадам Персефоны, которая пришла попросить чего-нибудь повернее. В поисках препарата, который удовлетворил бы мадам Персефону, Ахиллес удалился в лабораторию и, по-видимому, вознамерился не возвращаться до тех пор, пока я не уйду. Я ушел, не скрывая иронии.

На донорском пункте меня ожидал приятный сюрприз: соответствующие анализы выявили, что в силу имеющихся у меня внутренних хронических заболеваний желудочный сок мой надлежит относить к первому сорту, так что за сто граммов сока мне будут теперь выплачивать на сорок процентов больше, нежели всем прочим. Мало того, дежурный фельдшер намекнул мне, что, употребляя в умеренных, но достаточных количествах синюховку, я смогу добиться перехода в сорт экстра и получать за сто граммов на семьдесят-восемьдесят процентов больше. Я боюсь сглазить, но, кажется, наконец, впервые в жизни мне немножечко повезло.

В самом радужном настроении я отправился в трактир и просидел там до позднего вечера. Было очень весело. Во-первых, Япет теперь всюю торгует синюховкой, которую поставляют ему оптом окрестные фермеры. От синюховки неприятная отрыжка, но она дешева, пьется очень легко и дает приятное, веселое опьянение. Очень нас развлек один из молодых людей в узком пальто. Я так и не научился различать их и до сегодняшнего вечера испытывал к обоим естественную неприязнь, которую разделяло со мной большинство наших. Обычно эти грозные победители господина Лаомедонта вместе или порознь проводили в трактире все время от обеда и до закрытия – сидели у стойки, пили и упорно молчали, словно бы никого не замечая вокруг. Однако сегодня этот молодой человек вдруг оторвался от стойки, подошел к нашему столику и, когда все настороженно замолчали, в наступившей тишине прежде всего заказал выпивку на всю компанию. Затем он уселся между Полифемом и Силеном и негромко произнес: «Эак». Сначала все мы решили, что у него отрыжка, и Полифем по своему обыкновению сказал ему: «С приветом». Однако молодой человек несколько обиженно пояснил, что Эак – это его имя и что назвали его так в честь сына Зевса и Эгины, отца Теламона и Пелея, деда Эанта Большого. Полифем немедленно принес свои извинения и предложил выпить за здоровье Эака, так что инцидент был полностью исчерпан. Мы все тоже представились, и очень скоро Эак почувствовал себя среди нас как дома. Он оказался прекрасным рассказчиком, мы просто животы надорвали, слушая его.

Особенно нам понравилось, как они намазывали пол в гостиной, раздевали барышень и устраивали за ними погони. Это у них называлось «играть в пятнашки», и рассказывал он об

этом уморительнейшим образом. Должен признаться, что мы все ощущали все-таки некоторый стыд за наше захоlustье, где ни о чем подобном слыхом не слыхали, и поэтому очень уместной оказалась остроумная эскапада наших молодых шалопаев из компании господина Никострата.

Они появились на площади, ведя за собой на веревке крупного рыжевато-красного петуха. Господи, до чего же смешно это было! Распевая «Ниобу-Ниобею», они проследовали через всю площадь прямо в трактир. Здесь они обступили стойку и потребовали для себя бренди, а для петуха – синюховки. При этом они во всеуслышание объявили, что празднуют наступление у петуха половой зрелости и приглашают участвовать всех желающих. Мы чуть не лопнули. Эак тоже хохотал вместе с нами, так что город наш, как некий центр остроумных развлечений, был несколько реабилитирован в глазах этого столичного жителя.

Еще интересно было, когда пришел Ахиллес и сообщил, что из зала заседаний мэрии похищено шесть стульев полумягких. Пандарей уже обследовал место преступления и утверждает, что напал на след. Он говорит, что похитителей было двое, причем у одного была велюровая шляпа, а у другого шесть пальцев на правой ноге, но вообще-то все уверены, что стулья украл городской казначей. Желчный Парал так прямо и заявил: «Ну вот он и опять выкрутился. Теперь все будут говорить об этих дурацких стульях и начисто позабудут про последнюю растрату».

Когда я вернулся домой, Харон еще сидел в редакции, и мы поужинали втроем.

Сейчас я выглянул в окно. Дивная летняя ночь распахнула над городом бездонное небо, усеянное мириадами мерцающих звезд. Теплый ветерок струит волшебные ароматы и ласкает ветви уснувших деревьев. Чу! – слышится легкое жужжание заблудившегося в траве светлячка, спешащего на свидание к своей изумрудной возлюбленной. Сон и благодать опустились на уставший от дневных трудов городок. Нет, как-то не так все-таки. Ну ладно. Я это к тому, что красиво было, когда над городом символом мира и безопасности бесшумно прошли в вышине сияющие волшебным светом огромные летающие корабли, сразу видно, что не наши.

Свою речь я назову «Покой и уверенность» и отдам Харону в газету. Пусть только попробует не напечатать. Как это так, весь город за, а он один, видите ли, против! Не выйдет, дорогой зятек, не выйдет!

Схожу, посмотрю, как там Гермiona.

Библиотека сайта «Вселенная Братьев Стругацких» - strugatskie.com